

Большие воды

Автор:

[Мадлен Л`Энгл](#)

Большие воды

Мадлен Л`Энгл

Квинтет времени #4

Близнецы Сэнди и Деннис всегда были самыми нормальными и рассудительными в незаурядном, если не сказать странном семействе Мёрри. Никаких тебе пронзаний, вниканий и озарений, равно как гениальных открытий и дерзновенных теорий. Братья просто занимались огородом, просто учились в школе и играли в бейсбол. Так бы оно шло и дальше, если бы они случайно не вмешались в очередной эксперимент своего отца.

В результате этой оплошности мальчики переместились во времени и пространстве и оказались в допотопном мире. Буквально – мире до Потопа. Здесь можно увидеть единорогов – если верить в единорогов. А мамонты и мантикоры появятся вне зависимости от того, верят в них или нет. И прежде чем отыскать способ вернуться домой, братьям придется воссоединить рассорившихся отца и сына, что непросто, учитывая, что сына зовут Ноем и он вознамерился выстроить здоровенную лодку посреди раскаленной пустыни.

Эта книга – четвертая в цикле «Квинтет времени» – является продолжением прославленного бестселлера «Излом времени», экранизированного в 2018 году студией Уолта Диснея. Впервые на русском языке!

Мадлен Л`Энгл

Большие воды

Madeleine L'Engle

Many Waters

© О. Степашкина, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Глава первая. Виртуальные частицы и виртуальные единороги

Тренировку пришлось прервать из-за внезапного снегопада.

– Даже шайбы не видно! – еле перекрывая вой ветра, крикнул Сэнди Мёрри. – Пошли домой!

Он подъехал к берегу замерзшего пруда и уселся на уже заснеженный камень, чтобы снять коньки.

Остальные хоккеисты поддержали его. Деннис, близнец Сэнди, пристроился рядом с братом на камне. В ресницы набился снег, и Деннису приходилось смаргивать, а то и камня было не разглядеть.

– Ну почему нам выпало жить в самом высоком, холодном и ветреном месте в нашей стране?!

Мальчишки, согласно пофырвав, один за другим крикнули близнецам: «Пока!»

– А где бы ты хотел жить? – спросил Деннис.

Снег коварно проскальзывал к нему за воротник.

- На Бали. На Фиджи. Где-нибудь, где тепло.

Один из мальчиков связал шнурки вместе и повесил коньки на шею.

- Правда, что ли? Со всеми этими туристами?

- Ага, и со всеми модными пляжными богатеями.

- И со сливками общества.

- И с любителями мусорить повсюду.

Игроки расходились по домам.

- Я думал, ты любишь зиму, - сказал Сэнди.

- Я к середине марта от нее устаю.

- Но ты же не серьезно насчет уехать в туристический рай?

- Ну, может, и нет. Может, я и захотел бы - но в давние времена, до демографического взрыва. Ладно, есть хочу - умираю. Погнали домой.

Когда близнецы добрались до старого белого дома в нескольких милях от деревни, снегопад стал ослабевать, но ветер все еще дул. Братья зашли через гараж, мимо лаборатории матери. Стянув куртки, они закинули их на вешалку и ворвались на кухню.

- Эй, есть кто живой? - позвал Сэнди.

Деннис указал на лист бумаги, прижатый магнитом к холодильнику. Они подошли поближе и прочитали:

«ДОРОГИЕ БЛИЗНЕЦЫ, Я ПОВЕЗЛА МЕГ И ЧАРЛЬЗА УОЛЛЕСА В ГОРОД К СТОМАТОЛОГУ НА ОСМОТР. ВАША ОЧЕРЕДЬ НА СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ. И НЕ ДУМАЙТЕ ОТЛЫНИВАТЬ. ВЫ ОБА ТАК БЫСТРО РАСТЕТЕ В ЭТОМ ГОДУ, ЧТО ЗА ЗУБАМИ НАДО СЛЕДИТЬ.

ЦЕЛЮЮ, МАМА».

Сэнди свирепо оскалил зубы:

– У нас сроду не бывало дырок!

Деннис скорчил схожую гримасу:

– Но мы растем, это точно. Чуть-чуть осталось до шести футов[1 - То есть до 1 метра 80 сантиметров. В футе чуть больше 30 сантиметров. (Здесь и далее примеч. ред.)].

– Спорим, если сейчас померить, то будет уже больше?

Деннис открыл холодильник. На керамическом блюде лежала половина курицы, а рядом записка: «Verboten![2 - Запрещено! (нем.)] Это на ужин».

Сэнди вытащил лоток.

– Ветчина годится?

– Пойдет. С сыром.

– И горчицей.

– И нарезанными оливками.

– И кетчупом.

– И маринованными огурцами.

- А помидоров нету. Наверняка Мег извела на бутерброд с беконом и салатом.
- Тут кусище ливерной колбасы. Мама ее любит.
- Фу, гадость!
- Да ладно, со сливочным сыром и луком пойдет.

Они вытащили все продукты на кухонный рабочий стол и нарезали толстыми ломтями свежий, только из духовки, хлеб. Деннис сунул нос в духовку и принюхался к яблокам, пекущимся на медленном огне. Сэнди посмотрел на стол, заваленный книгами и тетрадями Мег.

- Она отхватила куда больше своей доли стола!
- Она в колледже, - вступился за сестру Деннис. - Нам столько не задают, сколько ей.
- Угу, а меня бы достало каждый день туда-сюда мотаться.
- Она же водить любит. И хоть возвращается пораньше.

Деннис бухнул свои книги на большой стол.

Сэнди заглянул в одну из открытых тетрадей Мег:

- Нет, ты только послушай! Неужели и у нас в колледже будет такая же фигня? «Представляется вполне очевидным добиологическое существование протеиновых предшественников полимеров, а следовательно, первичные существа не были альфа-аминокислотными». Надеюсь, она сама-то понимает, о чем пишет. Я лично ничегошеньки не понимаю.

Деннис перелистнул страницу:

- Ты на заголовок посмотри. «Вопрос на миллион: курица или яйцо, аминокислоты или их полимеры». Может, она математический гений, но с

правописанием у нее до сих пор не очень.

- В смысле, ты понимаешь, о чем она? - спросил Сэнди.

- Догадываюсь. Слышал же, мама с папой спорят за ужином: полимеры, виртуальные частицы, квазары и все такое. Ну и это из той же серии.

Сэнди уставился на близнеца:

- Ты чего, все это слушаешь?

- Конечно. Почему бы и нет? Нипочем не угадаешь, когда тебе пригодится какая-нибудь бесполезная фигня. А это что за книжка? Про бубонную чуму. О, это для меня, я же будущий врач!

Сэнди бросил взгляд через плечо:

- Она историческая, а не медицинская, дурачина.

- А знаешь, почему юристов никогда не кусают змеи? - спросил Деннис.

- Не знаю. И мне начхать.

- Слушай, это же ты хочешь стать юристом. Ну давай! Почему юристов никогда не кусают змеи?

- Сдаюсь. И почему же?

- Из профессиональной солидарности.

Сэнди скривился:

- Очень смешно. Ха-ха.

Деннис шмякнул поперек толстого ломтя ветчины горчицу.

- Когда я думаю, сколько нам еще учиться, я почти теряю аппетит.

- Почти.

- Ну, не совсем.

Сэнди открыл дверцу холодильника и стал высматривать, чего бы еще водрузить на бутерброд.

- Мы, похоже, съедаем больше, чем вся остальная семья, вместе взятая. Чарльз Уоллес ест как птичка. Хотя птички те еще проглоты, судя по тому, сколько мы тратим на птичий корм. Но ты понимаешь, о чем я.

- Хорошо хоть он в школе прижился и к нему никто не прикапывается, как раньше.

- Ему до сих пор по виду больше шести не дашь. Но мне через раз кажется, что он знает больше нас. Уж мы-то точно самые обычные и заурядные в нашей семье.

- Должен же в ней кто-то быть обычным и заурядным. И мы не полные тупицы. Я собираюсь стать врачом, а ты - юристом, мозги у нас тоже на месте. Пить хочу - умираю!

Сэнди открыл шкафчик над кухонной дверью. Всего год назад они могли достать до него лишь с табуретки.

- А где голландское какао? Именно его мне не хватает.

И Сэнди принялся доставать коробки с чечевицей, ячменем, фасолью, банки с тунцом и лососем.

- Спорим, мама забрала его в лабораторию. Пошли посмотрим. - Деннис отрезал себе еще ветчины.

Сэнди сунул в рот маринованный огурец.

- Нет, давай сперва доделаем бутерброды.

- Еда прежде всего. Ладно.

С бутербродами в дюйм[3 - Дюйм равен 2,5 сантиметра.] толщиной и с набитыми ртами они вышли в кладовую, а оттуда - в лабораторию. В начале века, когда этот дом был частью молочной фермы, помещение нынешней лаборатории использовали для хранения молока, масла и яиц, и в одном углу до сих пор стоял большой бидон, который теперь служил подставкой под лампу. Рабочая стойка с каменной раковиной годилась для лабораторного оборудования не хуже, чем для молока и яиц. Сейчас на ней стоял внушительного вида микроскоп, какие-то диковинные приборы, в которых разбиралась только мать близнецов, и старомодная бунзеновская горелка. На ее маленьком огне булькал черный котелок, подвешенный на самодельную треногу. Сэнди принялся с видом знатока:

- Тушеное рагу!

- Думаю, его полагается называть «говядина по-бургундски». - Деннис потянулся к полке над раковиной и вытащил красную жестяную банку. - А вот и какао. Папа с мамой любят его пить на ночь.

- А когда папа возвращается?

- Кажется, мама говорила, что сегодня вечером.

Сэнди, набив рот, грел руки о дровяную печь.

- Если бы у нас были права, мы бы поехали в аэропорт и встретили его.

- Мы уже хорошо водим машину, - согласился Деннис.

Сэнди в очередной раз от души куснул бутерброд и приоткрыл дверцу печи. Тепло пошло в дальний угол лаборатории, где стоял необычного вида компьютер.

- А давно папа поставил эту штуковину сюда? - поинтересовался Сэнди.

- На прошлой неделе. Не сказать, чтоб мама была очень довольна.

- Ну ясно, это же вроде как ее лаборатория, - заметил Сэнди.

- А что он программирует? - спросил Деннис.

- Папа обычно здорово объясняет. Но я большую часть не понял.

Тессерирование, красное смещение, пространственно-временной континуум и все такое. - Сэнди посмотрел на клавиатуру, где вместо обычных четырех рядов клавиш было восемь. - Половина символов тут греческие. Точно греческие, ни фи́га не понятно.

Деннис запихнул в рот остаток бутерброда и заглянул через плечо близнецу:

- Ну, я более-менее привык ко всяким научным обозначениям. Это похоже на иврит, а вот это кириллица. Понятия не имею, для чего нужны такие клавиши.

Сэнди посмотрел на пол лаборатории, сложенный из больших каменных плит. У раковины лежал толстый ковер, и еще один - перед потертым кожаным креслом и лампой для чтения.

- Не понимаю, как мама тут выживает зимой.

- Одевается как эскимос. - Деннис поежился, потом одним пальцем настучал на обычной клавиатуре компьютера: «Хочу туда, где тепло».

- Эй, я думаю, нам не стоит сюда лезть, - предостерегающе сказал Сэнди.

- Да ладно, чего бояться-то? Что, вылезет джинн, как из сказки про Аладдина? Господи, это же всего лишь компьютер! Он может делать лишь то, на что запрограммирован.

- Ну тогда ладно. - Сэнди занес руку над клавиатурой. - Прорва народу считает компьютеры живыми - ну, в смысле, вправду живыми, вроде этого самого джинна. - Он набрал на обычной клавиатуре: «В какое-нибудь теплое и не очень людное место».

Деннис отодвинул брата и добавил: «С низкой влажностью».

Сэнди отвернулся от странного компьютера:

- Пошли сделаем какао.

- Идем. - Деннис подобрал красную жестянку, которую оставил на рабочем столе. - Поскольку бунзеновскую горелку мама заняла, придется на кухне варить.

- Ладно. Там к тому же теплее.

- Я бы не возражал против еще одного бутерброда. Если они уехали аж в город, то явно будут поздно.

Близнецы вышли из лаборатории, прикрыв за собой дверь.

- О, а вот этого мы не заметили, - сказал Сэнди. На двери висела записка: «НЕ ВХОДИТЬ, ИДЕТ ЭКСПЕРИМЕНТ».

- Ой-ёй. Надеюсь, мы там ничего не напортили.

- Лучше все-таки сказать маме, когда она вернется.

- И как мы только не увидели записку?

- Лопать меньше надо.

Деннис пересек коридор, открыл дверь на кухню - и его встретила волна жара.

- Ой! - Он попытался отступить, но сзади его подпирал Сэнди.

- Пожар! - заорал Сэнди. - Хватай огнетушитель!

- Поздно! Лучше бежим отсюда и... - Деннис услышал, как кухонная дверь захлопнулась у них за спиной. - Надо выбраться отсюда...

– Я не могу найти огнетушитель! – завопил Сэнди.

– Я не могу найти стены!.. – Деннис шарил в ширящейся пелене и ничего не мог нащупать.

Что-то мощно и раскатисто зарокотало.

И воцарилась тишина.

Постепенно пелена стала редеть и развеиваться.

– Эй! – Голос Сэнди вдруг сделался надтреснутым и пронзительным. – Что происходит?

Следом прозвучал такой же ломкий голос Денниса:

– Что за... Что случилось?

– Что это был за взрыв?

– Эй!

Они огляделись, но не увидели ничего знакомого. Ни кухонной двери. Ни самой кухни. Ни очага с его душистыми поленьями. Ни стола с горшком буйно цветущей герани. Ни потолка с подвешенными связками красного перца и белого чеснока. Ни пола с яркими вязаными половичками. Они стояли на песке, раскаленном белом песке. Над ними висело солнце, а небо было таким горячим, что отливало бронзой. И вокруг не было ничего, кроме песка и неба от горизонта до горизонта.

– С домом все в порядке? – Голос Сэнди дрогнул.

– Кажется, мы вообще туда не вошли...

– Думаешь, дом загорелся?

– Нет. Я думаю, что мы открыли дверь и оказались здесь.

– А эта пелена?

– А гром?

– А папин компьютер?

– Ой-ёй... И что же нам теперь делать? – Голос Денниса зазвучал сначала басовито, взлетел и сорвался на пронзительный дискант.

– Без паники! – предупредил Сэнди, но голос его дрожал.

Мальчишки принялись лихорадочно озираться. Медный свет солнца обрушился на них. После холода, снега и льда внезапная жара ошеломяла. Частички слюды в песке ловили свет и вспыхивали под ним.

– Ну вот. – Голос Денниса снова сорвался. – И что нам теперь делать?

Сэнди попытался говорить спокойно:

– Не забывай: в нашей семье мы люди действия.

– Мы уже надеялись, – язвительно проговорил Деннис. – Мы просто вышибли себя сюда, где бы это «сюда» ни находилось.

Сэнди согласился с братом:

– Придурки. Кто нас просил лазить там, где идет эксперимент?

– Только мы не знали, что он там идет.

– А надо было остановиться и подумать.

Деннис посмотрел на небо и песок, сверкающие от жара.

– Как думаешь, чем папа занимался? – спросил Сэнди. – Если бы мы знали, что...

– Перемещением в пространстве. Тессерированием. Путешествием быстрее скорости света. Ты сам знаешь. – От беспокойства слова Денниса прозвучали резко.

Солнце припекало голову Сэнди. Мальчик стер пот со лба и вокруг глаз:

– И на кой мы только вспомнили про это голландское какао!

Деннис стащил свой тяжелый свитер крупной вязки. Облизнул сухие губы. Простонал:

– Лимонад...

Сэнди тоже содрал с себя свитер.

– Мы получили, чего просили, верно? Жару. Низкую влажность. И не особо людно.

Деннис огляделся, щурясь от яркого света:

– «Не особо людно» не значит «никого»!

Сэнди расстегнул клетчатую фланелевую рубашку:

– Я думал, мы просились на пляж.

– Папиной штуквине мы этого не сказали. Только чтоб народу не было. Как ты считаешь, мы себя не закинули на какую-то мертвую планету? Из тех, где солнце переходит в фазу красного гиганта перед тем, как взорваться.

Сэнди поежился, несмотря на жуткую жару, посмотрел на солнце и быстро отвел взгляд.

– Я думаю, солнце в фазе красного гиганта должно быть побольше. А это на вид ничуть не больше нашего солнца из фильма про пустыни.

– Думаешь, это наше собственное солнце? – с надеждой спросил Деннис.

Сэнди пожал плечами:

– Мы можем быть где угодно. Вообще где угодно во Вселенной. Раз уж мы принялись дурачиться с этой чертовой клавиатурой, надо было выражаться поточнее. Выбирать Бали или Фиджи, уж не важно, кишат ли там сливки общества.

– Я сам скоро буду выглядеть как сливка общества. Вот прямо сейчас и начну. Зачем мы только это натворили?

Сэнди поднял ногу и принялся стаскивать теплые штаны. Он снова взглянул на раскаленное солнце и поспешно зажмурился.

– Они нас хватятся, когда вернутся от стоматолога.

– Но не будут знать, где нас искать. У мамы больше мозгов, чем у нас. Она никогда не трогает ничего папиного, если его рядом нет.

– Мама не интересуется астрофизикой. Она поглощена виртуальными частицами и всяким таким.

– Но она все равно нас хватится.

– Папа скоро вернется, – с надеждой произнес Сэнди. Он уже разделся до нижнего белья.

Деннис подобрал свои вещи и увязал в компактный тючок.

– Если мы не найдем какую-нибудь тень, нам придется через полчаса одеться обратно – ну хоть что-нибудь надеть, или мы сгорим напрочь.

– Тень! – простонал Сэнди и принялся осматривать горизонт. – Дэн! Мне мерещится или я вижу пальму?

Деннис прикрыл глаза ладонью, как козырьком:

– Где?

– Там. Во-он там!

– Да. Нет. Да.

– Пошли туда.

– Давай. Надо же хоть что-то делать. – Деннис побрел вперед. – Если сейчас то же время суток, когда мы пропали из дома...

– Дома была зима. – Сэнди шел, почти зажмурившись из-за нестерпимо яркого света. – Солнце уже садилось.

Деннис указал на их тени, такие же длинные и худые, как они сами:

– Солнце чуть позади нас. Возможно, мы идем на восток, если это солнце вроде нашего.

– Тебе страшно? – спросил Сэнди. – Мне – да. Мы здорово влипли.

Деннис не ответил. Они продолжали брести. Близнецы по-прежнему были в носках и ботинках, и Деннис предложил:

– Может, легче будет идти босиком?

Сэнди наклонился, приложил ладонь к песку, потом покачал головой:

– Ты только потрогай. Мы так ноги сожжем.

– Ты все еще видишь ту пальму?

– Кажется, да.

Они молча шли по песку. Через несколько минут песок под ногами как будто сделался тверже, и мальчики увидели, что под песком скрывается камень.

– Так уже лучше, – сказал Сэнди.

– Эй!

Близнецам показалось, что земля вздрогнула у них под ногами. Деннис взмахнул руками в попытке удержать равновесие, но все равно грохнулся.

– Это землетрясение, что ли?

Сэнди тоже сбило с ног. Вокруг скрежетал камень, а снизу доносился низкий громopodobный рокот. Затем все резко стихло. Камень под ними застыл. Землетрясение – или что там это было – длилось не более минуты, но его хватило, чтобы вытолкнуть на поверхность каменную глыбу футов шести высотой. Глыба была слоистой и шершавой, но она отбрасывала тень.

Близнецы вскочили и кинулись к желанной тени. Сэнди потрогал извергнутый из земли камень. Тот был прохладным.

– Может, посидим тут хоть минутку...

Солнце все еще палило, но каменная глыба, у которой они примостились, оказалась прохладной. Облегчение от тени было столь велико, что несколько минут братья сидели молча. Их тела стали скользкими от пота; пот заливал глаза. Они сидели неподвижно, смакуя нежданно свалившуюся на них тень.

– Не знаю, что случится дальше, но в любом случае я вряд ли удивлюсь, – сказал наконец Сэнди. – Ты уверен, что это был папин эксперимент, в который нам не следовало влезать? Или все же мамин?

– Мама опять занялась субатомными делами, – ответил Деннис. – Вчера она почти весь ужин только и говорила что о виртуальных частицах.

– По мне, так бред несусветный, – фыркнул Сэнди. – Частицы со склонностью быть!

– Ага, – кивнул Деннис. – Виртуальные частицы. Почти-частицы. Ровно как ты сказал. Частицы со склонностью быть.

Сэнди покачал головой:

– Большинство маминых субатомных экспериментов такие... ну, микроскопические. На них никак бы не повлияло, что мы зашли в лабораторию.

– Но может, если она ищет какую-нибудь виртуальную частицу... – с надеждой произнес Деннис.

– Нет. Мне кажется, это все-таки что-то папино. Просто мне очень хотелось, чтобы оно было мамино. И почему мы только не обратили внимания на эту надпись на двери?

– Угу, почему?

– Вот бы у родителей были нормальные профессии! – вздохнул Сэнди. – Был бы папа водопроводчиком или электриком, а мама – ну хотя бы секретарем. Нам бы жилось куда проще!

– И не приходилось бы в школе строить из себя крутых спортсменов и классных парней, – согласился Деннис. – И... – Он не договорил, потому что земля задрожала снова. Эта волна дрожи была короткой, без летящих камней, но братья вскочили.

– Ой! – Сэнди отпрыгнул в сторону и чуть не сшиб Денниса.

Из-за каменного утеса вышел человек футов четырех ростом. Не ребенок, нет. Он был мускулистым, загоревшим дочерна и с пушком над верхней губой и на подбородке. На нем была набедренная повязка, на поясе висел небольшой кошель. Увидев мальчишек, человек встревоженно схватился за кошель.

– Подожди! – Сэнди вскинул руки ладонями вперед.

Деннис повторил его жест:

- Мы тебя не тронем.

- Кто ты? - спросил Сэнди.

- Где мы? - добавил Деннис.

Невысокий человек смотрел на них со смесью любопытства и страха.

- Великаны! - воскликнул он.

Сэнди покачал головой:

- Мы не великаны.

- Мы мальчики, - добавил Деннис. - А ты кто?

Молодой человек коснулся лба:

- Иафет.

- Это твое имя? - спросил Сэнди.

Он снова коснулся лба:

- Иафет.

Возможно, таков был обычай данной страны, в какой бы вселенной она ни находилась. Сэнди тоже коснулся лба:

- Александр. Сэнди.

Деннис повторил его жест:

- Деннис.

- Великаны, - констатировал молодой человек.

- Нет, - поправил его Сэнди, - мальчики.

Молодой человек потер голову. На лбу у него набухла фиолетовая шишка:

- Камень ударил меня. Наверное, в глазах двоится.

- Иафет? - спросил Сэнди.

Молодой человек кивнул:

- Вас двое? Или один? - Он недоуменно потер глаза.

- Двое, - сказал Сэнди. - Мы близнецы. Я Сэнди. Он Деннис.

- Близнецы? - переспросил Иафет. Его рука снова потянулась к кошельку на поясе, который, похоже, был наполнен малюсенькими стрелами дюйма в два длиной.

Деннис развел руками:

- Близнецы - это когда... - Он собрался было дать научное объяснение, но сам себя оборвал. - Когда у матери в животе не один ребенок, а два.

- Так вы звери?

Сэнди покачал головой:

- Мы мальчики. - Он уже готов был спросить «а ты?», но тут заметил рядом с кошельком со стрелами крохотный лук.

- Нет. Нет. - Молодой человек посмотрел на них с сомнением. - Только великаны бывают такими высокими, как вы. И еще серафимы и нефилимы. Но у вас нет крыльев.

Какие еще крылья?

- Пожалуйста, Яф, скажи - где мы? - спросил Деннис. - Что это за место?

- Пустыня, примерно в часе пути от моего оазиса. Я пошел искать воду. - Иафет наклонился и подобрал гибкую палочку. - Дерево гофер лучше всего годится для поиска воды, и у меня дедушкин... - Он осекся на полуслове. - Хиггайон! Хиг! Ты где? - позвал он, как дома близнецы могли бы позвать своего пса. - Хиг! - Он посмотрел на близнецов круглыми глазами. - Если с ним что-то случится, дедушка меня... их так мало осталось!.. Хиггайон! - встревоженно позвал он еще раз.

Из-за нагромождения камней показалось нечто серое и гибкое - близнецы сперва подумали, что это змея. Но следом высунулась голова с черными блестящими глазками и ушами-лопухами, за ней толстенькое тело, покрытое лохматой серой шерстью, и хвостик-веревочка.

- Хиггайон! - возликовал молодой человек. - Ты почему не идешь, когда тебя зовут?

Зверь - размером он был с маленькую собаку или крупного кота - указал хоботом на близнецов.

Иафет погладил зверя по голове. Молодой человек был таким маленьким, что ему для этого не пришлось наклоняться.

- Слава Элю, что с тобой все в порядке. - Иафет указал на близнецов. - Они, кажется, нам не враги. Они говорят, что они не великаны, и хотя они высокие, как серафимы или нефилимы, на них они не похожи.

Зверек осторожно приблизился к Сэнди. Тот опустился на колени и протянул руку животному для обнюхивания, а потом осторожно почесал лохматую грудь, как чесал бы дома их пса. Когда зверь расслабился под его рукой, Сэнди спросил у Иафета:

- А что такое серафимы?

– И нефилимы, – добавил Деннис. Если удастся выяснить, кто тут есть такого же роста, как они сами, может, это подскажет, куда их занесло.

– О, они очень высокие, – сказал Иафет. – Совсем как вы, только другие. Большие крылья. Длинные волосы. И их тела – как у вас, без волос. Серафимы золотые, а нефилимы белые, белее песка. Ваша кожа другая. Бледная и гладкая, как будто вы никогда не видели солнца.

– У нас дома еще зима, – объяснил Сэнди. – Летом, когда мы работаем во дворе, мы сильно загораем.

– Твой зверь, – сказал Деннис, – он похож на слона. Но кто он на самом деле?

– Мамонт. – Иафет ласково шлепнул животное.

Сэнди, гладивший Хиггайона, отдернул руку:

– Но мамонтам же полагается быть огромными!

Деннису вспомнилось изображение мамонтов из книжки по зоологии, ужасно похожих на Иафетова зверя. Иафет и сам был миниатюрной версией сильного и красивого молодого человека, ненамного старше их самих, – может, ровесника Кальвина, друга их сестры Мег, который учился в магистратуре. Может, у них тут – где бы это «тут» ни располагалось – все миниатюрное?

– Мамонтов осталось очень мало, – объяснил Иафет. – Я хорошо ищу воду с лозой, но мамонты ее отлично вынюхивают, а Хиггайон – лучше всех. – Он погладил зверушку по голове. – Вот я и попросил его на время у дедушки Ламеха, и вместе мы нашли хороший источник, но, боюсь, он нам не пригодится – слишком далеко от оазиса.

– Спасибо, теперь все ясно, – сказал Сэнди, потом повернулся к Деннису. – Как ты думаешь, мы спим?

– Нет. Мы пришли домой после хоккейной тренировки. Сделали бутерброды. Пошли в лабораторию поискать голландское какао. Вляпались в папин идущий эксперимент. Повели себя как последние придурки. Но это не сон.

– Я рад это слышать, – сказал Иафет. – Я уже начал удивляться. Я думал, может, мне мерещится из-за того камня, который ударил меня по голове во время землетрясения.

– Это было землетрясение? – спросил Сэнди.

Иафет кивнул:

– Они у нас не редкость. Серафимы сказали нам, что это пока еще не улажено.

– Тогда, возможно, это молодая планета, – с надеждой произнес Деннис.

– Откуда вы, – спросил Иафет, – и куда направляетесь?

– Отведи меня к вашему вождю, – пробормотал Сэнди.

Деннис ткнул брата локтем в бок:

– Заткнись!

– Мы с планеты Земля, из конца двадцатого века, – сказал Сэнди. – Мы попали сюда случайно, и мы не знаем, куда направляемся.

– Мы хотели бы вернуться домой, – добавил Деннис, – но не знаем, как это сделать.

– А где дом? – спросил Иафет.

Сэнди вздохнул:

– Боюсь, что далеко.

Иафет посмотрел на них:

– Вы красные. И мокрые.

Сам он, кажется, не ощущал жары.

– Мы потеем, – сказал Деннис. – Обильно. Боюсь, мы получим солнечный удар, если не найдем тень в ближайшее время.

Иафет кивнул:

– Ближе всего шатер дедушки Ламеха. Мы с моей женой, – при упоминании жены он покраснел от удовольствия, – живем в середине оазиса, у шатра моего отца. Но мне в любом случае надо вернуть Хиггайона дедушке. А он очень гостеприимный. Я отведу вас к нему, если хотите.

– Спасибо, – сказал Сэнди.

– Мы с радостью пойдём с тобой, – добавил Деннис.

– Все равно у нас нет особого выбора, – пробормотал Сэнди.

Деннис ткнул его локтем в бок, потом достал из тючка с вещами свою водолазку и натянул ее; его голова вынырнула из скрутившегося хлопчатобумажного воротника, темно-русые волосы растрепались, и получился хохолок, как у волнистого попугайчика.

– Нам лучше бы прикрыться. Я, кажется, уже обгорел.

– Тогда пойдём, – сказал Иафет. – Я хочу добраться домой до темноты.

– Ой! – спохватился вдруг Сэнди. – Мы же говорим на одном языке! Все было так странно, что до меня лишь теперь дошло...

Иафет посмотрел на близнецов с недоумением:

– Ваша речь звучит очень необычно для меня. Но я могу вас понять, если слушаю внутренним слухом. Вы говорите немного похоже на серафимов и нефилимов. Вы меня понимаете?

Братья переглянулись. Сэнди сказал:

– Я до сих пор об этом не задумывался. Если же подумать, то да, ты говоришь как-то иначе, но я тебя понимаю. Верно, Дэн?

– Верно, – согласился Деннис. – Только, пока мы об этом не задумывались, было легче.

– Ну ладно, идемте же, – поторопил их Иафет. Он посмотрел на Сэнди. – Тебе лучше бы тоже прикрыться.

Сэнди последовал примеру Денниса и натянул водолазку.

Деннис развернул фланелевую рубашку и намотал на голову.

– Будет вместо бурнуса, чтоб не схлопотать солнечный удар.

– Хорошая идея!

Сэнди последовал его примеру.

– Если еще не поздно, – мрачно заметил Деннис. Потом добавил: – Эй, Иаф... – и запнулся об имя. – Слушай, Яф, а это что такое?

Слева вдали показалось некое серебристое существо, то возникающее, то словно растворяющееся, размером с козла или пони, с мерцающим во лбу светом. Существо направлялось к ним.

Сэнди тоже решил сократить имя Иафета.

– Что это, Яф?

Мамонт подsunул голову под руку Сэнди, и мальчик принялся чесать зверя между ушами-лопухами.

Иафет посмотрел на едва различимое существо и улыбнулся, словно знакомому:

– А, это единорог! Они очень чудны?е. Они то есть, а то нету. Если нам нужен единорог, мы его зовем, и обычно он появляется.

– А этого ты звал? – спросил Сэнди.

– Хиггайон мог о нем подумать, но звать он его не звал. Потому он не совсем материальный. Единороги даже лучше чувствуют воду, чем мамонты, только вот на них не всегда можно рассчитывать. Но возможно, Хиггайон решил, что единорог подтвердит, правда ли там, где мы думаем, есть источник. – Он печально улыбнулся. – Дедушка всегда знает, что думает Хиг, а я только догадываюсь.

Близнецы остановились и переглянулись. Мамонт оставил Сэнди и потрусил за шагавшим в сторону оазиса Иафетом, так что братьям пришлось нагонять их. Единорога на прежнем месте уже не оказалось, только что-то похожее на мираж мерцало в воздухе.

– Поверить не могу! – выдохнул Сэнди.

Деннис, плетущийся рядом с братом, согласился:

– Вера в невероятное – это не наш с тобой конек. В нашей семье мы главные скептики.

– Вот я и не могу в это поверить, – повторил Сэнди. – Сейчас я проморгаюсь – и мы снова окажемся дома, на кухне.

Деннис поймал мотающийся рукав рубашки и вытер глаза:

– Прямо сейчас я верю в то, что мне жарко. Жарко. Жарко!

Иафет обернулся:

– Великаны! Идемте! Хватит разговаривать!

Близнецам с их длинными ногами нетрудно было догнать Иафета.

- Мы не великаны, - снова повторил Деннис. - Меня зовут Деннис.

- Деннисы.

Деннис коснулся лба, как прежде это делал сам Иафет:

- Один Деннис. Я.

Сэнди тоже коснулся лба:

- А я Сэнди.

- Сень. - Иафет посмотрел по сторонам. - Сень здесь нужна.

- Нет, Яф, - поправил его Сэнди. - Это сокращение от имени Александр. Сэнди.

Иафет покачал головой:

- Ты называешь меня Яф. Я называю тебя Сень. Это имя я могу понять.

- Кстати, о необычных именах. - Деннис посмотрел на мамонта. Тот снова боднул Сэнди, требуя, чтобы его чесали. - Хиг...

- Хиг-гай-он, - проговорил по слогам Иафет.

- А что, мамонты все такого же размера? Или есть и большие?

Иафет явно озадачился:

- Те, что остались, - все как Хиггайон.

Сэнди покосился на брата:

- А разве в доисторические времена лошади не были сперва маленькими?

Но Деннис уже смотрел вдаль:

- Гляди-ка! Теперь видно, что там полно пальм.

До всех этих пальм, однако, еще оставался долгий путь. Хотя ноги у мальчиков были куда длиннее Иафетовых, близнецы с трудом поспевали за юношей и мамонтом, легко шагавшими по песку.

- Что-то я не уверен, - пробормотал Деннис.

Шаги Сэнди тоже замедлились.

- Я-то думал, мы крутые спортсмены, - тяжело дыша, проговорил он.

- Нам никогда прежде не приходилось сталкиваться с такой жарой.

Иафет, явно осознав, что его спутники отстали, развернулся и потрусил обратно к ним, свежий и бодрый.

- Что такое? Вы оба такие красные! Одинаково красные. Вы правда два человека?

- Мы близнецы! - изможденно прохрипел Сэнди.

- Кажется, - выдохнул Деннис, - у нас... тепловой... удар.

Иафет посмотрел на него с беспокойством:

- Солнечная болезнь может быть опасна. - Он потрогал щеку Денниса. Покачал головой. - Ты холодный и липкий на ощупь. Это скверный признак. - Он положил руку на лоб Деннису. Задумался. Потом произнес: - А как насчет единорога?

- А что насчет него? - спросил Сэнди. Он устал и злился.

- Если раздобыть парочку настоящих и осязаемых единорогов, они донесут вас до оазиса.

Близнецы переглянулись; каждый видел перед собой свое красное, потное отражение.

– Мифические существа не по нашей части, – сказал Деннис.

Сэнди добавил:

– Мег говорит, единорогов сгубила их чрезмерная популярность.

Иафет нахмурился:

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Деннис тоже нахмурился. Задумался. Потом сказал:

– Единороги Яфа больше похожи на мамины виртуальные частицы, чем на мифических животных.

– Виртуальные частицы не мифические! – вскипел Сэнди. – Они теоретические!

– Раз мама верит в свои фантастические теории, мы должны поверить в виртуальных единорогов!

– Каких-каких единорогов? – Иафет смотрел с недоумением. – Тут какая-то путаница. Это все из-за того, что вы некие особенные великаны?

– Прежде мы единорогами как-то не интересовались. – Сэнди провел ладонями по лицу и с удивлением обнаружил, что бисеринки пота действительно прохладные.

– А теперь интересуемся, – простонал Деннис. – Мама верит в виртуальные частицы, так что не вижу, отчего бы не существовать виртуальным единорогам.

– Хиг! – позвал Иафет.

Мамонт повернулся и уставился на горизонт. На песке перед ним возникло слабое мерцание. Постепенно оно приняло форму единорога, прозрачного, но вполне узнаваемого. За ним начал мерцать второй единорог.

- Пожалуйста, единороги! - взмолился Деннис. - Будьте настоящими!

Оба прозрачных существа мало-помалу уплотнились - и вот уже на песке стояли два единорога с серебристо-серыми телами, серебряными гривами и бородами. Серебряными были и копыта, а рога ослепительно сверкали. Единороги, посмотрев на близнецов, послушно опустили на колени.

- Ох! - воскликнул Иафет. - Хорошо, что вы оба так молоды. Я как-то подзабыл, что единороги никому не позволят прикоснуться к себе, кроме невинного отрока.

Близнецы переглянулись.

- Да у нас еще даже водительских прав нет, - сказал Деннис.

- Садитесь же, а то они решат, что не нужны! - велел Иафет.

Каждый из близнецов забрался на спину серебристого существа; оба считали это сном, от которого они не могут очнуться. Но без единорогов им никак не добраться до оазиса.

Единороги полетели над пустыней, едва касаясь копытами песка. Время от времени там, где песок сдуло и на поверхность вышел камень, серебристое копыто ударяло о него со звоном, как колокольчик, и высекало искры. Мелкие обитатели пустыни следили, как они проносились мимо. Сэнди заметил на песке кости, выбеленные солнцем и ветром, но промолчал.

- Держитесь! - предостерегающе крикнул Иафет. - Не падайте!

Скачка на единороге создавала ощущение нереальности. Это было еще невероятнее, чем мамин мир элементарных частиц. По крайней мере, настолько же невероятно.

- Держитесь! - снова закричал Иафет.

Но Деннис почувствовал, что соскальзывает по гладкому боку. Он попытался ухватиться за гриву, но та просочилась сквозь пальцы, словно песок. Это что, единорог тает? Или сам он перегрелся на палящем солнце?

- Деннис! Не падай! - закричал Сэнди.

Но Деннис падал. Он не понимал, кто из них возникает и исчезает: он сам или единорог?

А потом он ощутил нечто твердое, осязаемое. Это Сэнди на своем единороге прижался к нему. Сильная рука Сэнди закинула Денниса обратно на единорога, виртуальная частица внезапно стала реальной, а не диковинкой из лаборатории. У Денниса болела голова.

Иафет с мамонтом бежали рядом, поразительно быстро для таких маленьких существ.

- Скорее, поторапливайтесь! - подгонял единорогов Иафет. - Скорее!

Сэнди - голова его по-прежнему была обмотана фланелевой рубашкой - едва ли осознавал, что он поддерживает брата. Собственные руки казались ему жидкими, словно вода. Он хватал воздух ртом, и каждый глоток обжигал ему горло. Голова разбухала, переполнившись, словно воздушный шар, горячим воздухом, и Сэнди испугался, что сейчас улетит в небо.

Мамонт обогнал Иафета и единорогов и направился к оазису; его толстенькие ножки превратились в размытое пятно, словно крылья колибри. Иногда он вскидывал хобот и трубил, подгоняя единорогов. Иафет бежал рядом; наконец-то и он запыхался, стал дышать ртом.

Но они все равно не успевали. Деннис терял сознание. По мере того как мир темнел у него перед глазами, рог его единорога начал тускнеть. Зрение, слух и мысли Денниса отключались, и серебристое существо под ним истаивало. И так Деннис то исчезал, то возникал вместе со своим скакуном.

Сэнди, сам едва удерживающийся от обморока, не осознавал, что рука, которой он поддерживал Денниса, теперь пуста. Он почувствовал, что падает. Но

приземлился он не на раскаленный песок, а на мягкую зелень. Обожженное тело укрыли тенью и прохладой огромные веера пальмовых листьев.

Единорог принес его в оазис.

Глава вторая. Пеликан в пустыне

Сэнди медленно пришел в себя; глаза его были зажмурены. Будильник не звонил, – наверное, суббота. Он прислушался, не ворочается ли Деннис на верхней койке. На него брызнули чем-то мокрым и прохладным. Хорошо-то как! Сэнди не хотелось просыпаться. По субботам их ждали скучные обязанности. Им полагалось вымыть полы в маминной лаборатории и в ваннах. А если снова пойдет снег, надо будет еще и его расчищать.

– Сень...

Сэнди не узнал этот необычный, какой-то чужестранный голос. И витающий вокруг запах – едкий, с душком – тоже не узнал. И снова на него чем-то брызнули.

– Сень!

Сэнди медленно открыл глаза. В свете, идущем прямо сверху, он увидел два коричневых лица, встревоженно уставившихся на него. Одно лицо было молодым, с едва прорезавшимся рыжеватым пушком. Второе, с древней дубленой кожей и длинной кудрявой седой бородой, избороздили бесчисленные морщины.

Сэнди все еще не хотел верить, что проснулся. Он протянул руку – потрогать матрас Денниса у себя над головой. Матраса не было. Сэнди открыл глаза пошире.

Он лежал в шатре, немаленьком таком шатре, судя по запаху из козьих шкур. Свет попадал в него через отверстие в крыше – розовый, закатный свет. Какая-то потешная зверушка подошла к Сэнди и брызнула на него водой, и мальчик

понял, что он горячий, потому что обгорел на солнце. Животное брало воду из большого глиняного горшка и поливало его, чтобы охладить.

- Сень! - снова позвал молодой человек. - Ты очнулся?

- Яф? - Сэнди попытался сесть и больно проехался обгорелой кожей по шкуре, на которой лежал.

- Сень, ты как? - В голосе Иафета звучало беспокойство.

- Да все нормально. Обгорел только.

Старик потрогал лоб Сэнди:

- У тебя жар. Те, кто не привык к пустыне, тяжело переносят солнечную болезнь. Ты из-за гор?

Сэнди посмотрел на старика; тот уступал ростом даже Иафету, и у него были такие же ярко-голубые глаза, ослепительные на фоне смуглой кожи. Сэнди коснулся лба, как это делал Иафет:

- Меня зовут Сэнди.

- Сень. Да. Иафет мне сказал. - Старик тоже коснулся лба, смахнув немного вьющиеся седые волосы. - Ламех. Дедушка Ламех. Иафет принес тебя ко мне в шатер.

Сэнди встревоженно заозирался:

- А Деннис? Где Деннис? - Он наконец-то полностью проснулся и осознал, что лежит не дома на их двухъярусной кровати, а в какой-то удивительной пустыне, которая может находиться на любой планете любой солнечной системы любой галактики во вселенной. Мальчик содрогнулся. - Деннис!

- Он исчез с единорогом.

- Что?!

- Сень, - терпеливо произнес Иафет, - Деннис, должно быть, потерял сознание. Я тебе говорил про единорогов. Иногда они есть, а иногда их нету. Когда День потерял сознание, единорог исчез и День вместе с ним.

- Но мы должны найти его и вернуть! - Сэнди попытался встать.

Дедушка Ламех уложил его обратно на шкуры с удивительной для столь миниатюрного человека силой:

- Тише, Сень. Не волнуйся. С твоим братом все будет хорошо.

- Но...

- Единороги очень ответственные, - объяснил Ламех.

- Но...

- Да, они действительно ненадежны в том плане, что они то есть, то их нету, но они очень ответственные.

- Вы ненормальные, - сказал Сэнди.

- Тише, Сень, - повторил дедушка Ламех. - Мы не знаем, куда деваются единороги, когда они исчезают, но когда кто-нибудь снова позовет единорога и тот появится, День появится тоже.

- Вы уверены?

- Да, уверен, - веско произнес старик, и на мгновение убежденность в его голосе успокоила Сэнди.

Но тут же он завопил:

- Ну так зовите единорога, зовите сейчас же!

Старик и Иафет посмотрели на Хиггайона. Хиггайон поднял хобот к отверстию в крыше шатра. Розовый свет потускнел, и старик, Иафет и Хиггайон превратились в смутно различимые силуэты. Потом что-то вспыхнуло, и Сэнди разглядел мерцающее серебристое тело единорога. Но без Денниса.

– Деннис! – закричал он.

И услышал подхватившего его призыв Иафета: «День!»

Хиггайон как будто посоветался с единорогом. Потом оглянулся на Иафета и старика. Затрубил.

Свет снова вспыхнул, перешел в мягкое мерцание, и единорог исчез.

– Похоже, – сказал дедушка Ламех, – что кто-то уже позвал того единорога, на котором ехал День.

Сэнди вскочил и тут же рухнул обратно на шкуры, так он был слаб.

– Но он же может очутиться где угодно, вообще где угодно! – не помня себя, закричал мальчик.

– Тише, – сказал старик. – Он в оазисе. Мы его найдем.

– Как? – пискнул Сэнди, словно испуганный малыш.

– Я буду искать его, – заверил Иафет. – А когда найду – приведу к тебе.

– Ох, Яф... я хочу пойти с тобой!

– Нет. – Дедушка Ламех был непреклонен. – У тебя солнечная болезнь. Ты должен лежать, пока не поправишься. – Он посмотрел на отверстие в крыше. Свет заходящего солнца окончательно угас, и с неба светила луна, не полная, но яркая. Старик потрогал руку Сэнди, потом ногу. – Завтра ты будешь весь в волдырях.

У Сэнди как-то странно гудело в голове. Он понимал, что это от лихорадки и что дедушка Ламех прав.

- Но Деннис...

- Я найду его и приведу к тебе, - пообещал Иафет.

- Спасибо тебе, Яф!

Молодой человек повернулся к дедушке:

- Кто-нибудь из женщин - моя жена или одна из моих сестер - принесет тебе светильник, дедушка.

Старик посмотрел на лунный свет, озаряющий шатер:

- Спасибо, милый внук. Мои внуки добры ко мне, так добры... - Голос его дрогнул. - Мой сын...

Иафет, похоже, смутился:

- Ты же знаешь, я ничего не могу поделать с отцом. Я даже не говорю ему, когда иду в твой шатер.

- Пускай так, - печально отозвался старик. - Пускай. Но когда-нибудь...

- Конечно, дедушка. Когда-нибудь. Я вернусь с Денем сразу же, как только смогу.

Он вышел, хлопнув пологом.

Хиггайон обрызгал прохладной водой из кувшина тряпицу на лбу у Сэнди.

- Великан, - склонился над ним маленький старик, - откуда ты пришел?

– Я не великан, – возразил Сэнди. – Правда-правда! Я просто мальчик. Мы с Деннисом еще растем, и мы вовсе не великаны, мы обычного роста.

Старик покачал головой:

– В наших краях вы великаны. Так ты можешь сказать мне, откуда явился?

– Из дома. – Сэнди было жарко. Его лихорадило. – Новая Англия. Соединенные Штаты Америки. Планета Земля.

Старик нахмурился, и морщины у него на лбу набежали друг на друга.

– Ты не из здешних мест. И не из земли Нод. Там люди не выше нас. – Он положил руку на лоб Сэнди. Рука была прохладная и сухая, как осенний лист, готовый искрошиться в пыль. – Лихорадка стихнет, но тебе не следует покидать шатер и выходить на солнце, пока не заживут ожоги. Я попрошу кого-нибудь из серафимов позаботиться о тебе. Серафимы не обгорают на солнце. И они лучшие целители, чем я.

Доброта дедушки Ламеха подействовала на Сэнди успокаивающе.

Мамонт двинулся было к кувшину с водой и вдруг плюхнулся на зад и в ужасе заскулил – мимо шатра что-то пронеслось с визгом, словно вышедший из-под контроля реактивный самолет. Но на этой планете, где бы она ни находилась, самолетов не было.

Старик вскочил с удивительным проворством и схватил деревянный посох.

Чудовищный визгливый крик – не птичий и не человеческий – раздался снова, уже ближе. Потом полог шатра отлетел в сторону и внутрь заглянуло лицо – Сэнди в жизни не видал лица огромнее, – мужское лицо с сальными волосами, спутанной бородой, кустистыми бровями над маленькими подозрительными глазками и носом-картошкой. Из копны волос торчали закрученные книзу рога, острые, как кабаньи клыки. Рот открылся, и из него вырвался вопль:

– Есть!

И существо втиснулось в шатер. Оказалось, что голова эта сидит не на человеческом теле, а на львином, а потом Сэнди увидел, что хвост у него не львиный, а скорпионий. Мальчика охватил ужас.

Старик ударил непрошеного гостя посохом, но безуспешно. Человекоскорпионолев выбил у него посох и отшвырнул Ламеха. Дедушка Ламех упал на шкуры в другом углу шатра. Мамонт, дрожа, распластался по шкурам рядом с Сэнди.

- Есть!!! - От рева шкуры шатра задрожали.

Сэнди без раздумий закинул мамонта себе за спину, встал из последних сил, выпрямился во весь рост и, пошатываясь, шагнул к чудищу.

- Великан! - пронзительно завопила человеческая голова. - Великан!

Скорпионий хвост, львиное тело и человеческая голова, пятась, выскочили из шатра, и полог упал на место.

Старик встал со шкур, куда его отбросило ударом.

- Треклятая мантикора! - проворчал он. - Хотела съесть моего мамонта!

Хиггайон неуверенно поднялся на ноги и затрубил, но это было скорее слабое колыхание воздуха, чем победный клич. Он потерся о Сэнди.

Старик подобрал свой посох:

- Спасибо. Ты спас моего мамонта от съедения.

- Я ничего не сделал. - Ноги Сэнди подкосились, и он свалился обратно на шкуры. - Меня впервые в жизни кто-то испугался из-за того, что я высокий и обгорел на солнце.

- Добрый великан, - сказал старик.

Сэнди был слишком слаб, чтобы спорить с ним.

- И вообще, мантикора – мифическое существо.

Дедушка Ламех покачал головой:

- Я не понимаю, о чем ты.

- Существа вроде мантикор – мифические, – заявил Сэнди. – Им не полагается быть реальными.

Дедушка Ламех расплылся в улыбке:

- Тебе придется спросить объяснений у серафима. Видишь ли, в нынешнее время многое реально. – Он посмотрел по сторонам. – А где скарабей?

Мамонт тоже принялся оглядываться. А потом старик просиял: снаружи кто-то тихо поскребся. Очевидно, это был какой-то сигнал, потому что Ламех радостно воскликнул:

- Входи, внучка!

Потом он вежливо пояснил Сэнди:

- Это Иалит, моя младшая внучка.

Полог приоткрылся, пропуская внутрь девушку. Девушка была ростом под стать старику, не выше четырех футов. В руках у нее был узкий каменный сосуд с маслом и горящим фитильком. При его свете – он все-таки был ярче лунного – Сэнди увидел мягкие изгибы тела девушки, одетой, как и Иафет с дедушкой Ламехом, в набедренную повязку. У нее была кожа цвета спелого абрикоса. Слегка вьющиеся волосы оттенка бронзы блестели в свете огонька и спускались на плечи. Сэнди показалось, что она примерно его ровесница, и внезапно обожженная кожа вдруг стала болеть поменьше, и он почувствовал, что к нему возвращаются силы. Он встал на колени, поднялся и, неловко поклонившись, поприветствовал Иалит.

Девушка увидела его и чуть не выронила каменный светильник:

- Великан!

Мамонт коснулся Сэнди хоботом, а дедушка Ламех сказал:

- Он говорит, что он не великан, милая Иалит. Иафет привез его сюда, и они мне сказали, что был еще один такой же, но исчез с единорогом. Иафет пошел искать его. Вот он, - Ламех улыбнулся Сэнди, - похоже, человек, и он только что спас Хиггайона от мантикоры.

Иалит вздрогнула:

- Я слышала, как она закричала и умчалась, словно ужаленная. - Девушка поставила каменный сосуд на деревянный бочонок. - Я принесла тебе светильник, дедушка.

- Спасибо, милая, - с нежностью отозвался старик.

Сэнди снова поклонился:

- Здравствуй. Меня зовут Сэнди Мёрри. - Он невольно расплылся в глуповатой улыбке.

Девушка с сомнением посмотрела на него и немного отступила назад:

- Ты говоришь не так, как мы. Ты точно не великан?

- Я мальчик. Извини, что я так ужасно выгляжу. Я сильно обгорел на солнце.

Теперь она посмотрела на него, не птаясь:

- Да, и вправду. Чем тебе помочь?

Хиггайон снова запустил хобот в горшок с водой и обрызгал Сэнди.

Дедушка Ламех сказал:

– Хиггайон следит, чтобы его кожа оставалась влажной. Но я думаю, нам следует позвать кого-нибудь из серафимов – пусть посмотрит на него.

– Да, это было бы неплохо. Так откуда, ты говоришь, ты пришел, великан... Сень?

– Из Соединенных Штатов, – ответил Сэнди, хотя и понимал, что его слова ничего не скажут этой красивой и необычной девушке.

Девушка улыбнулась Сэнди, и он погрузился в тепло ее улыбки.

– Соединенные Штаты – это... это такое место, – попытался объяснить он. – Можно считать, что мы с братом его представляем. – Хотя и непреднамеренно...

– Это твой брат ушел с единорогом?

Ее вопрос прозвучал так, словно Деннис и единорог просто куда-то ускакали.

– Да, мой брат, Деннис. Мы с ним близнецы. Однояйцевые. Люди, которые нас мало знают, нас почти не различают. Твой брат Иафет пошел искать его.

– Ну, значит, он его найдет. Дедушка Ламех, тебе еще что-нибудь нужно?

– Нет, милая Иалит.

– Тогда я лучше пойду домой, а то жены моих братьев уже собрались. Они все время ссорятся, а наша мать пытается их вразумить. Она хочет, чтобы я была рядом и помогала.

Девочка с улыбкой повернулась от старика к Сэнди, у которого кружилась голова – из-за лихорадки, но и из-за Иалит тоже. Он не отрывал от нее глаз, пока она желала им спокойной ночи. Впервые в жизни Сэнди на миг порадовался тому, что с ним нет Денниса.

Но потом беспокойство вернулось к нему.

– Деннис...

– Иафет найдет его, – заверил старик. – Ну а пока... Хиггайон, посмотри-ка, сможешь ли ты отыскать нашего друга-скарабея?

Хиггайон негромко затрубил и вышел из шатра.

С уходом Иалит и Хиггайона Сэнди стало клонить в сон. Было уже темно, свет луны больше не проникал в отверстие в крыше, а масляная лампа горела слабо. Мальчик закрыл глаза, свернулся клубком и ощутил пустоту.

Деннис. Да, он только что радовался, что Деннис не видит Иалит. Но все равно он никогда еще не засыпал без Денниса. Дома ему достаточно было поднять руку и постучать по матрасу, чтобы привлечь внимание близнеца. И в скаутском лагере они всегда селились в одном домике. Родители считали, близнецам надо дать возможность развиваться по отдельности. Они все время покупали братьям разную одежду. Однако факт оставался фактом: они были близнецами. Сэнди не знал, каково это – засыпать без Денниса.

Вернулся Хиггайон, подошел к дедушке Ламеху, достал хоботом что-то у себя из уха и вручил старику. Дедушка Ламех положил принесенное на ладонь, и в свете лампы заблестел бронзой жук-скарабей. Старик осторожно погладил его дрожащим пальцем и сомкнул кулак.

Вспышка света, как от единорожьего рога, – и в шатре возник кто-то высокий, улыбнулся старику, потом спокойно посмотрел на Сэнди. У нового действующего лица была кожа цвета абрикоса, как у Иалит. Длинные ярко-золотые волосы цвета залитой солнцем пшеницы были собраны в хвост и почти закрывали сложенные крылья. Глаза были невероятного ярко-голубого цвета, как море, чьи воды пронзает солнечный луч.

Ламех уважительно приветствовал гостя:

– Мы благодарим тебя, Аднарель. – Потом он обратился к Сэнди: – Серафим сумеет помочь тебе. Им многое известно об исцелении.

Так, значит, это и есть серафим! Высокий, даже выше близнецов. Но на росте сходство и заканчивалось. Во всем прочем он был совершенно иным, прекрасным, но чуждым. Серафим повернулся к Ламеху:

- Что у нас здесь?

Ламех поклонился; рядом с крылатым гостем он походил на маленький коричневый орешек. Если все обычные люди в этом диковинном месте были такого же маленького роста, как Иафет, Ламех и Иалит, неудивительно, что Сэнди и Денниса приняли за великанов. Ламех произнес:

- С нами чужеземец...

Аднарель коснулся плеча Сэнди и легонько прижал мальчика к шкурам, пресекая его попытку подняться.

Ламех продолжал:

- Он, как видишь, почти столь же высок, как и ты сам, но как будто... как будто не вполне сформирован.

- Он очень юн, - пояснил серафим Аднарель, - так сказать, едва вылупился. Но ты прав. Он не из нас. И не из нефилимов.

- И не из нас, - добавил Ламех. - Но нам кажется, его не следует бояться.

Аднарель бережно повернул мальчика; длинные пальцы осторожно ощупали лопатки.

- Крыльев нет, даже зачаточных.

Хиггайон приблизился к серафиму, боднул его головой, привлекая внимание, потом указал на кувшин с водой.

Аднарель почесал мамонта за ухом.

– Зови пеликана, – велел он.

Хиггайон вышел из шатра. Ламех поднял голову и посмотрел в невероятно-голубые глаза Аднареля:

– Правильно ли мы сделали, что давали ему прохладу и влагу, чтобы унять лихорадку и исцелить ожоги?

Аднарель кивнул. Тут хлопнул полог. Это вернулся Хиггайон. Следом за ним вошел пеликан, большой, белый и невероятный. Пеликан вразвалочку подошел к кувшину, открыл огромный клюв и наполнил кувшин.

– Пеликан позаботится, чтобы у нас было вдоволь воды? – озабоченно спросил Ламех. – Иначе потребуются много ходок к источнику, слишком много для меня теперь, когда я стар и...

– Не страшись. Аларид позаботится об этом, – заверил его Аднарель.

– Пеликан в пустыне? – спросил Сэнди. Огромная птица казалась ему частью сна, порожденного лихорадкой.

– Вопиющий в пустыне пеликан, – подтвердил Аднарель.

Он опустил на одно колено и приложил руку к красной щеке Сэнди. Сквозь пальцы серафима потекло целительное тепло – тепло, не имевшее ничего общего со спертой жарой шатра. Сэнди почти привык к удушливому запаху шкур, но серафим словно принес с собой легкость и свежесть.

– Так откуда же ты, отрок? – спросил Аднарель.

Сэнди вздохнул:

– С планеты Земля. Надеюсь, я все еще на ней?

Серафим снова улыбнулся, не ответив на вопрос. Он мягко коснулся лба Сэнди, и это прикосновение помогло проясниться спутанным мыслям.

– А с какого места планеты Земля ты пришел?

– Из Соединенных Штатов. Из их северо-восточной части. Новой Англии.

– Как ты попал сюда?

– Я точно не знаю... э-э-э... сэр. – В Аднареле ощущалось нечто такое, что подтолкнуло Сэнди к старомодному почтительному обращению. – Наш отец работает над теорией о пятом измерении и тессеракте...

– А! – Аднарель кивнул. – Он послал тебя сюда?

– Нет-нет, мы...

– Мы?

– Мы – это Деннис, мой брат-близнец, и я. Это мы виноваты. Ну, в смысле, мы никогда раньше не творили таких глупостей – не лезли в папины идущие эксперименты. Только мы не поняли, что это идет эксперимент.

– А где Деннис?

– Ох, и не спрашивайте! – простонал Сэнди.

– Его брат, Деннис, исчез с единорогом, – объяснил дедушка Ламех, – а того, судя по всему, позвали куда-то еще. Иафет сейчас ищет его.

Серафим внимательно выслушал это, по мнению Сэнди, невнятное и недостаточное объяснение и опять кивнул.

– Не страшись, – сказал Сэнди Аднарель. – Твой брат вернется. А пока дедушка Ламех и Хиггайон сделали для тебя лучшее, что было можно, – поддерживали твою кожу влажной. – Он достал из глубокого кармана своего одеяния что-то вроде горсти трав и опустил их в кувшин с водой. – Это поможет исцелению. – Серафим улыбнулся. – Хорошо, что ты хотя бы сколько-то знаешь Древнюю Речь.

– Но я не знаю... – начал было Сэнди.

– Ты смог сперва понять Иафета и заговорить с ним, а потом с дедушкой Ламехом, так?

– Ну да. Пожалуй, так.

– Возможно, дар пробудился в тебе потому, что у тебя не оказалось времени подумать. – Улыбка серафима озарила шатер. Аднарель повернулся от Сэнди к Ламеху. – Когда придет прохлада ночи, закутай его вот в это. – И серафим снял свое молочно-белое одеяние. Теперь его крылья, такие же золотые и блестящие, как и его длинные волосы, оказались на виду. В темноте шатра он сиял, словно солнце. – Звериные шкуры слишком грубы для его обожженной плоти. Я приду утром посмотреть, как он себя чувствует. А пока проверю, как там дела у Иафета и нашел ли он его брата.

При этих словах Аднареля Сэнди почувствовал, что у него закрываются глаза. Иафет ищет Денниса. Аднарель отправляется помочь ему. Конечно же, раз за дело взялся серафим, теперь все будет хорошо.

И мысли его уплыли в мягкую темноту.

Глава третья. Иалит, сестра Иафета

Покинув дедушкин шатер, Иалит поспешила домой, в центр оазиса. На боку у нее висел кошель со стрелками, как у Иафета, только вместо миниатюрного лука девушка носила маленькую духовую трубку. Стрелки были смазаны отваром, который не убивал хищника, а временно обездвиживал – даже такого большого, как мантикора. Мантикоры отличались силой и скверным характером, но не обладали ни умом, ни храбростью. Иалит боялась мантикор куда меньше, чем некоторых молодых людей поселения, и держала стрелку в руке – вдруг понадобится.

Миновав выгоны, раскинувшиеся вокруг шатра Ламеха, девушка через рощу попала в пустыню, где среди белого песка пробивалась бурая трава. Везде, где

не хватало воды для орошения, пустыня брала верх. Но Иалит предпочитала пустыню пыльным, грязным тропкам оазиса. На черном бархате неба ярко горели звезды. У ноги девушки какой-то запоздалый жучок спешил зарыться в песок до утра. Справа от нее, в кронах деревьев Ламеховой рощи, сонно переговаривались обезьяны.

Иалит посмотрела на горизонт. На рожденной землетрясением скале вроде той, у которой Сэнди и Деннис повстречались с Иафетом и мамонтом Хиггайоном, девушка увидела лежащее существо. Она присмотрелась – убедиться, что это и вправду лев, – и позвала:

– Ариэль!

Существо поднялось медленным, ленивым движением, а потом спрыгнуло с камня и помчалось к девушке, и Иалит поняла, что она обозналась, что это не лев, а огромная пустынная ящерица, из тех, что обычно зовут драконами, хотя крылья у них уже ни на что не годны и летать они не могут.

Иалит застыла в испуге, сжимая в руке тонкую стрелку. Приблизившись к девочке, ящерица вздыбилась во все свои шесть футов – и внезапно над головой вскинулись руки, хвост раздвоился и превратился в две ноги, и вот к Иалит уже бежал мужчина невероятной красоты, с алебастрово-белой кожей и крыльями, сверкающими пурпуром. Его длинные волосы были черными с пурпурными отблесками, а глаза – цвета аметиста.

– Ты звала меня, красавица? – Он бережно склонился к ней, вопросительно улыбнувшись; розовые губы на фоне белого лица казались особенно яркими.

– Нет-нет, – запинаясь, пробормотала Иалит. – Не тебя. Я думала... я приняла тебя за Ариэля.

– Нет. Я не Ариэль, я Иблис. Но ты позвала – и вот я здесь, – голос его убаюкивал, – к твоим услугам. Ты чего-нибудь желаешь?

– Нет-нет, спасибо, ничего.

– Никаких безделушек для ушей, для твоей чудной шейки?

– Нет-нет, спасибо, ничего, – повторила девушка. Сестры сочли бы ее дурой из-за такого отказа. Нефилимы щедры. Этот нефилим дал бы ей все, что предлагал, и еще больше.

– Все вы так внезапно меняетесь, – сказал мужчина. – Ты была ребенком – и вот ты уже не дитя.

Иалит невольно скрестила руки на груди и с запинкой произнесла:

– Н-н-но я ребенок. Мне еще даже нету ста лет...

Нефилим протянул длинную белую руку и осторожно убрал с ее лица волосы, озаренные светом звезд.

– Не бойся стать взрослой. Тебе предстоит познать много радостей, и я помогу тебе насладиться всеми ими.

– Ты? – Иалит испуганно воззрилась на стоящее рядом великолепное существо; от пурпурных крыльев, словно вода, тек свет.

– Я, моя сладкая. Я, Иблис, нефилим.

Никакой нефилим прежде не обращал на нее внимания. Она была слишком юна. Но потом перед ее мысленным взором предстал тот удивительный молодой великан в дедушкином шатре. Наверное, она все-таки не совсем уже ребенок. Потому что она что-то такое почувствовала к молодому великану... Дети так не чувствуют.

– Грядут большие перемены, – заявил Иблис, – и тебе понадобится помощь.

Глаза девушки округлились.

– Перемены? Какие перемены?

– Люди живут слишком долго. Эль собирается уменьшить время их жизни. Сколько лет твоему отцу?

– Около... наверно, около шестисот. В общем, он средних лет. – Иалит посмотрела на свои пальцы. Десять. Ее предел точного счета.

– А твоему дедушке Ламеху?

– Надо подумать. Он был очень молод; когда у него родился мой отец – еще и двухсот лет не было. Он тоже очень долго уже живет. Его отец, Мафусаил, мой прадедушка, прожил девять сотен и еще шестьдесят девять лет. А его отцом был Енох, который ходил пред Элем, и он прожил три сотни и шесть десятков и еще пять лет, а после этого Эль забрал его... – Иалит погрузилась в подсчет возраста своих предков, и когда нефилим развернул огромные крылья и окутал ее пурпурным водоворотом, усыпанным сияющими искрами, словно звездами, это застало ее врасплох. Девушка изумленно ойкнула.

Нефилим негромко рассмеялся:

– Ах, малышка, невинная малышка, сколь же много тебе предстоит узнать о путях людей и о путях Эля, не совпадающих с людскими путями. Ты позволишь мне учить тебя?

Учиться у нефилима? Иалит никогда не думала, что удостоится подобной чести. И сама не понимала, почему колеблется. Она вдыхала таинственный аромат его крыльев, запах камня и холодных, темных ветров, приходящих в несколько коротких недель зимы.

В коконе крыльев Иблиса девочка не услышала ритмичного глухого топота: это огромный лев мчался к ним по пустыне, а приблизившись – взревел. Иалит и Иблис дружно повернулись и увидели: лев взметнулся на задние лапы, как перед этим ящерица, и прыгнул в небо – огромное желто-коричневое тело с бежевыми крыльями, окаймленными золотом; крылья развернулись во всю мощь, а огромные янтарные глаза вспыхнули.

Иблис тут же освободил Иалит из объятий крыльев и спрятал их за спиной.

– К чему это неуместное вмешательство, Ариэль?

– Я же говорил, чтобы ты оставил Иалит в покое!

– А тебе-то что? Дочери человеческие ничего не значат для серафимов. – Иблис улыбнулся Иалит и нежно погладил ее по блестящим волосам.

– Ничего? – прозвучал негромкий голос Ариэля.

– Ничего, серафим. Нефилим может войти к дочери человеческой. Нефилим понимает, что такое наслаждение. – Он коснулся пальцем губ Иалит. – Я научу тебя, моя сладкая. Думаю, тебе понравится то, что я могу тебе дать. А теперь я вверяю тебя нежному попечению Ариэля. Но мы еще встретимся. – Иблис отвернулся от них к пустыне, и тело нефилима перетекло в облик драконоящерицы. Гигантская ящерица умчалась во тьму.

– Ариэль, как это так? – вырвалось у Иалит. – Мне показалось, что я вижу на скале тебя. Я была уверена, что это ты, и я позвала, а это оказался вовсе не ты, а Иблис.

– Нефилимы – мастера подражания. Он хотел, чтобы ты решила, что это я. Умоляю тебя, дитя, будь осторожна!

В глазах девушки светилось беспокойство.

– Он был очень добр ко мне.

Ариэль взял Иалит за подбородок и заглянул ей в глаза, ясные и все еще детские:

– Кто же не будет добр к тебе? Куда ты шла?

– Домой. Я относила дедушке Ламеху ночную лампу. Но, Ариэль, там, в шатре дедушки Ламеха очень странный молодой великан! Его привел туда Иафет. Он ужасно обгорел на солнце. Он точно не из здешних мест. Он говорит, что никакой он не великан, но я никогда не видела никого похожего на него. Он высокий, как ты, и тело у него не волосатое, а гладкое, как у тебя и как у нефилимов, и кожа его, там, где не обгорела, светлая. Не белая, как у нефилимов, но светлая и нежная, как у младенца.

– Я гляжу, ты внимательно осмотрела его, – сказал Ариэль.

Девушка покраснела и отвела взгляд:

- В нашем оазисе никогда прежде не появлялось никого похожего.

- Что с его ожогом? - спросил Ариэль. - У великана лихорадка?

- Да. Хиггайон постоянно опрыскивал его прохладной водой, и они собирались попросить серафима помочь ему.

- Аднареля?

- Да. Жука-скарабея.

- Хорошо.

- Он не один из вас, этот молодой великан, и он не из нефилимов. У тех кожа на солнце лишь вспыхивает белее и белее, как пепел в жарком огне зимних недель.

Бежевые крылья дрогнули, их золотистые кончики замерцали в свете звезд.

- Если у него обгорела кожа, то он не из нефилимов.

- И не один из вас.

- У него есть крылья?

- Нет. В этом он совсем как человек. Он кажется очень юным, хотя он такой же высокий, как ты, и худой.

- Ты рассмотрела его глаза?

Она не заметила огонька в глазах серафима.

- Серые. Красивые глаза, Ариэль. Не горящие, как... не излучающие свет, как твои. Больше похожи на человеческие - мои, моих родителей, братьев и сестер.

Ариэль ласково коснулся ее плеча:

– Иди домой, дитя. Не бойся пересекать оазис. Я присмотрю, чтобы тебе не причинили вреда.

– Ты и Иблис. Спасибо! – Иалит по-детски подняла лицо, ожидая поцелуя.

Ариэль наклонился и осторожно коснулся губами ее лба:

– Тебе недолго уже быть ребенком.

– Я знаю...

Он снова легонько поцеловал ее – а мгновение спустя огромный лев уже мчался прочь по пескам пустыни.

Иалит свернула на песчаную тропинку через ячменное поле. Тропинка упиралась в каменную дорогу, идущую между белыми домами из высушенного на солнце кирпича: низкие дома строили так, чтобы те выдерживали частые землетрясения. В некоторых из этих невысоких построек располагались лавочки, где торговали выпечкой, лампами из камня, маслом. Были лавки, где продавалось копченое мясо, лавки с луками и стрелами, лавки с копьями из дерева гофер. У некоторых вход был занавешен нитями ярких бус, звенящих на вечернем ветерке.

Из одного такого домика вышел нефилим, обнимавший молодую женщину. Женщина взирала на него с обожанием и тесно прижималась к нему. Ее блестящие черные волосы ниспадали на спину до самых бедер, а глаза, устремленные на нефилима, были темно-синими, как ляпис-лазурь.

Иалит остановилась как вкопанная. Этой женщиной была Махла, сестра Иалит, единственная оставшаяся с ней в родительском шатре. Две их старшие сестры вышли замуж и жили с мужьями в другой части оазиса. В последнее время Махла то и дело исчезала из шатра. Теперь Иалит знала, куда она уходит.

Махла заметила младшую сестру и улыбнулась.

Нефилим тоже улыбнулся, благосклонно приветствуя Иалит.

Пока они не вышли из тени, Иалит казалось, что это Иблис. Она была потрясена и почувствовала себя преданной. Но в ярком свете звезд она увидела, что крылья этого нефилима намного светлее – нежного лавандового цвета. Она не могла сказать, какого цвета его волосы, но они тоже были светлее и как будто светились оранжевым. У нефилима была гибкая шея, наводящая на мысль о змее, и тяжелые веки.

Он снова ласково улыбнулся:

– Махла останется со мной этой ночью. Передай это своей матери.

– Но она будет беспокоиться! – вырвалось у Иалит. – Нам не разрешают ночевать в других...

Махла радостно засмеялась:

– Угиэль выбрал меня! Я его невеста!

Иалит ахнула:

– А мама знает?

– Еще нет. Скажи ей, сестричка.

– Но разве ты не должна сказать сама? Ты и...

– Угиэль.

И снова зазвенел смех Махлы, подобный колокольчикам.

– Старые обычаи меняются, сестричка. Этой ночью я встречу с братьями Угиэля.

Нефилим обнял Махлу крылом:

– Да, сестричка. Старые обычаи меняются. Иди и скажи матери.

Иалит пошла прочь, а они смотрели и махали ей вслед. В конце улицы она услышала шаги и, обернувшись, увидела, что за ней идет какой-то молодой мужчина. Иалит достала стрелку и вложила ее в трубку, но мужчина исчез за углом дома.

Низкие белые здания сменились шатрами. Каждый шатер окружала земля его владельца. Сперва это были маленькие участки хозяев лавок, потом – рощи и поля, иногда занимавшие много акров. По пути она видела пасущихся овец, коз, верблюдов. На лозах зрели виноградные гроздья.

Ее отцу принадлежал большой шатер, окруженный несколькими шатрами поменьше. Иалит поспешила в главный шатер, зовя мать.

Денниса привел в чувство запах. Ноздри его задвигались, в животе забурчало. Пахло стряпней, дымной и прогорклой. Воняло хуже, чем гнилой сыр, хуже, чем силос, который пах примерно как гнилой сыр и которым несло от всех работников на фермах. Душок был посильнее запаха навоза, который раскидывают по полям весной, – это все-таки здоровый запах роста. Здесь же пахло старым гниющим навозом. По сравнению с этим запахом вонь школьного туалета могла сойти за сущее благоухание. А поверх всего этого, не перекрывая, разливался приторный запах благовоний, пота и никогда не мытого тела.

Деннис открыл глаза.

Он был в замкнутом пространстве, освещенном лунным светом; свет попадал сюда через отверстие в искривленной крыше. И такой же яркий свет струился от рога единорога. Серебристое существо огляделось, фыркнуло и ударило копытом по грязному земляному полу. У его ног съежился мамонт.

Деннис чуть не воскликнул: «Хиггайон!» Но это был не тот мамонт, который сопровождал Иафета. Этот был тощим, с выпиравшими ребрами и со свалывшейся на боках шерстью. Глаза у него были тусклые, и казалось, будто он за что-то просит прощения у единорога.

На единорога уставилось несколько низкорослых людей, еще не заметивших Денниса. Но как мамонт отличался от Хиггайона, так и эти люди отличались от Иафета. От них плохо пахло. Там было двое бородатых и волосатых, словно обезьяны, мужчин, а с ними две женщины. Одеждой всем четверым служили набедренные повязки из козлиной шкуры. Чистотой повязки не отличались. Обе женщины были рыжие; у младшей на голове словно полыхало пламя. Ее волосы выглядели хоть немного ухоженными. Старшая женщина была морщинистой и недовольной.

Свет рога отразился в глазах младшей женщины, и они заискрились, словно изумруды.

– Вот видите! – победно воскликнула она. – Я знала, что наш мамонт сумеет призвать нам единорога!

Свет рога потускнел.

Младший из мужчин, со спутанными каштановыми волосами и рыжей неухоженной бородой, в которой застряли остатки еды, прорычал:

– Ну вот, любезная сестрица Тигла, единорог у нас в шатре. И какой в нем прок?

Девушка подошла к единорогу и протянула руку, словно собираясь погладить его. Рог ослепительно сверкнул, а потом в шатре сделалось темно – настолько внезапно, что глаза Денниса не сразу приспособились видеть в лунном свете, проникающем через отверстие в крыше.

Мужчины расхохотались:

– Ха! Тигла, ты думала, что сумеешь одурачить нас?

Даже старшая женщина засмеялась. Потом она заметила Денниса, который пытался подняться на колени.

– Бескрылая гагарка, это еще что такое?

Рыжая девушка ахнула:

– Великан!

Старший кривоногий мужчина подошел поближе к Деннису. Он сжимал в руках копье, и Денниса, задыхающегося от вони в шатре, захлестнул страх. Мужчина ткнул его копьем, и мальчик упал на грудь замызганных шкур.

Потом мужчина перевернул его при помощи копья – поцарапал, но ран не нанес. Деннис почувствовал, как наконечник копья скользнул по его лопаткам.

– Это кто-то из твоих приятелей, Тигла? – спросил младший мужчина. – Я думал, ты подыскиваешь нефилима.

Тигла с любопытством разглядывала Денниса.

– Это не нефилим.

Старшая женщина настороженно уставилась на него:

– Если он из великанов, то всего лишь великанское дитя. Он нам ничего не сделает.

– А нам-то что с ним делать? – спросила Тигла.

Смуглый волосатый мужчина отвел копье:

– Выкиньте его.

Он сказал это беззлобно. Деннис был для него всего лишь ненужной вещью, от которой следовало избавиться. Мальчик почувствовал, как две пары рук подняли его – младший мужчина помог отцу. Мамонт заскулил, и старшая женщина пнула его. Деннис подумал: все, что угодно, будет лучше, чем это кошмарно вонючая дыра, набитая кошмарными лилипутами.

Потом было дуновение свежего воздуха. Проблеск ночного неба, усыпанного звездами. Дымная краснота на горизонте, словно свет какого-то огромного промышленного города. Потом Деннис почувствовал, что его швырнули, словно

мусор. Почувствовал, как катится по крутому склону. Его замутило. И вырвало. Судя по всему, его выбросили на свалку отходов. И тут было еще хуже.

Деннис кое-как сумел подняться на четвереньки. Он был в какой-то яме. Сокрушительно воняло испражнениями и гниющим мясом. Деннис не знал, что еще свалено в эту яму вместе с ним, и знать не желал. Он лихорадочно карабкался по склону, поскользываясь на костях, липкой грязи, разлагающихся отбросах, соскальзывая обратно, сползая, барахтаясь, пока наконец не выполз наружу и не поднялся на ноги – пошатывающийся, перепачканный и перепуганный.

Сэнди нигде не было. И единорога тоже. Равно как и Иафета с Хиггайоном. Деннис понятия не имел, куда попал. Мальчик осмотрелся. Он стоял на грязной тропе, окаймляющей яму. Рядом валялась его увязанная в тючок одежда. За тропой раскинулось множество шатров. Деннис видел в учебнике обществознания фотографию с шатрами бедуинов. Эти были похожими, только поменьше и стояли потеснее. Наверное, из такого шатра его и выкинули. За шатрами росли пальмы, и Деннис побрел к ним.

Ему нужно было вымыться. Позарез нужно! Он провонялся этим запахом ямы. Деннис побежал, едва не падая, к пальмовой роще. За деревьями что-то белело. Белый песок. Пустыня. Если получится выбраться в пустыню, он покатается по лунному песку и очистится.

– Сэнди! – позвал он, но Сэнди не ответил. – Яф! Яф! – Но маленький приветливый юноша не появился. – Хиггайон! – Деннис вздрогнул. Даже если ему никогда больше не суждено увидеть ни одного человека, он ни за что не вернется в шатер, где в него тыкали копьем, а потом вышвырнули, словно отбросы!

Разогнавшись, он внезапно выбежал из рощи и поскользнулся на песке. Он упал и покатился, покатился, а потом стал хватать песок пригоршнями и тереть себя, стирая помойную слизь и грязь. Он стянул с себя водолазку и зашвырнул подальше. Снова покатался по песку. Нижнее белье тоже было в грязи; Деннис содрал и его и отправил следом за водолазкой. Он даже не осознавал, что царапает обожженную солнцем кожу, так ему хотелось сделаться чистым. Песок под ромашковым полем звезд был прохладным, и Деннис стянул тряпочные туфли и носки, тоже отшвырнул прочь. Их уже нипочем не отмыть! Он снова стал тереть песком ступни, лодыжки, икры, не осознавая, что всхлипывает, как

ребенок.

Через некоторое время он успокоился и попытался осмыслить ситуацию. Он сильно обгорел на солнце. Он навредил себе, оттирая кожу песком. Он дрожал, но не от холода – у него был жар.

Он сидел, нагой, словно Адам, в белой пустыне, спиной к оазису. Луна, еще не достигшая полной величины, спускалась к горизонту. В небе горели звезды – Деннис никогда в жизни не видел столько звезд. Впереди виднелось странное красноватое свечение. Деннис разглядел, что оно исходит от горы, самой высокой в горной гряде на горизонте. Ну да, конечно. Раз уж они с Сэнди умудрились как-то закинуть себя на молодую планету в какой-то галактике, разумеется, тут должны наличествовать действующие вулканы.

И насколько сильно действующие? Деннис надеялся, что ему не доведется это узнать. Дома их холмы были невысоки – старые холмы, источенные дождем и ветром, и прошедшими ледниками, и целыми эпохами. Дома. Мальчик снова заплакал.

Потом он сделал над собой усилие и успокоился. У них в семье они с Сэнди были самыми практичными и находили выход из разных ситуаций. Они могли подремонтировать водопровод, если поломка не была серьезной. Они могли заменить провода у старого светильника и вернуть его к жизни. Как-то они купили на церковном базаре настольную лампу и переделали ее, и теперь она стояла у матери в лаборатории. Летом большой огород был их радостью и гордостью, и они продали достаточно его плодов, чтобы получилась значительная прибавка к карманным деньгам. Они могли сделать все. Все, что угодно.

Даже поверить в единорогов. Деннис подумал про единорога, того самого, которого он счел виртуальным и который каким-то образом перенес его в шатер к тем ужасным низкорослым дикарям, швырнувшем его в мусорную яму. Судя по всему, единорога туда призвал тот печальный полуголодный мамонт. А заодно и Денниса он призвал обратно в бытие. Но единорог исчез во вспышке света. Похоже, единороги, даже виртуальные, не терпят вони.

Ну ладно. Если он думает, что единороги терпеть не могут вони, значит он верит в единорогов. Фактически.

Конечно, никаких единорогов не бывает и быть не может. Но точно так же быть не могло, чтобы их с Сэнди зашвырнуло невесть в какой угол Вселенной, на задворки планеты с примитивными формами цивилизации, и лишь потому, что они вмешались в незавершенный эксперимент отца. Деннис снова огляделся. Звезды были такими ясными, что мальчику почудился хрустальный перезвон. Над горой поднялась струйка дыма, мелькнул язык пламени.

– Виртуальный единорог! – воскликнул Деннис. – Я хочу верить в тебя, и если ты не придешь – я умру!

Он почувствовал прикосновение чего-то прохладного и мягкого к голой коже. Это оказался тот худющий маленький мамонт. Он осторожно коснулся Денниса розовым кончиком серого хобота. А потом сверкнула серебряная вспышка и истаяла до мерцания. Единорог опустился на песок перед мальчиком. У Денниса не было сил сесть верхом и выпрямиться. Он взглянул на мамонта с безмолвной благодарностью и перевалился через спину единорога. И закрыл глаза. Он горел от жара. Должно быть, он обжег единорога. Ему показалось, что они взорвались, словно вулкан.

Махла, сестра Иалит, помолвленная с Угиэлем-нефилимом, лежала на небольшом каменном выступе, в десяти минутах ходьбы вглубь пустыни. Ее сердце лихорадочно стучало от волнения. Угиэль привел ее к этому камню, пылко поцеловал, а потом велел ждать, пока он не вернется со своими братьями, чтобы скрепить их обручение.

Она услышала хлопанье крыльев и, затаив дыхание, подняла взгляд. Пеликан, белый на фоне ночного неба, спускался к ней, сужая круги. Он коснулся земли, вскинул белые крылья так высоко, что казалось, будто они задели звезды, – и вот уже пеликан исчез, а перед Махлой стоял серафим. Крылья и струящиеся под ветром пустыни волосы были серебряными, а глаза – яркими, словно звезды.

Махла поспешно встала, так, чтобы длинные вьющиеся волосы окутали ее:

– Аларид...

Серафим взял девушку за руку и посмотрел ей в глаза сверху вниз:

- Мы действительно теряем тебя?

Махла отняла руку, отвела взгляд и принужденно рассмеялась:

- Теряете меня? О чем ты?

- Это правда, что ты и Угиэль...

- Да, правда! - с гордостью подтвердила она. - Порадуйся за меня, Аларид! Угиэль ведь по-прежнему твой брат - разве не так?

Аларид опустился на одно колено. Теперь он больше не возвышался над девушкой.

- Да, мы по-прежнему братья, хотя и выбрали разные пути.

- И ты уверен, что твой путь лучше? - В голосе Махлы прозвучало пренебрежение.

Аларид печально покачал головой:

- Мы не судим. Серафимы выбрали остаться пред Ликом.

- Но вы стоите слишком близко, чтобы разглядеть его! Нефилимы стоят дальше и видят лучше. - Аларид посмотрел на нее, и голос девушки на мгновение дрогнул. - Да. Угиэль рассказал мне.

Аларид медленно поднялся во весь рост. Он на миг привлек ее к себе серебряным крылом, и Махла почувствовала запах звездного света. Потом серафим отпустил ее:

- Ты не забудешь нас?

- Как я могу забыть вас?! Ты был моим другом с того самого момента, как Иалит взяла меня приветствовать рассвет и я встретила тебя и Ариэля!

– В последнее время ты не ходила приветствовать рассвет.

– Ну... я постигала ночь.

Аларид наклонился и поцеловал девушку в темную макушку. А потом медленно побрел прочь, в пустыню. На песок беззвучно падали слезы.

Махла опустила голову. Когда же она подняла взгляд, то увидела лишь улетающего пеликана, и вскоре он затерялся среди звезд.

Иалит вихрем ворвалась в шатер их семьи:

– Махла обручилась с нефилимом!

Никто не обратил на нее внимания. Ее родители, братья и невестки лежали на козьих шкурах, ели и пили вино, сделанное ее отцом из раннего винограда. Несколько каменных ламп наполняли шатер теплым светом. Даже слишком теплым, подумала Иалит. Ни через открытый полог, ни через отверстие в крыше почти не проникали дуновения воздуха. Луна уже садилась, и видны были лишь звезды. Иалит огляделась в поисках Иафета, своего любимого брата, но не нашла его. Возможно, он все еще искал брата того молодого великана из шатра ее дедушки.

Мать Иалит что-то размешивала в деревянной миске и была полностью поглощена этим занятием. У ног ее спал упитанный мамонт с длинной лоснящейся шерстью.

Кого-то стошнило – наверное, Хама, у него всегда был слабый желудок, – и запах рвоты мешался с запахом вина, мяса в горшке, шкур в шатре. Иалит была привычна ко всем этим запахам. Она лишь отметила про себя, что Хам лежит навзничь на груди шкур и что лицо у него бледное. Хам и так-то был самым светлокочим в семье и самым низкорослым – Матреда утверждала, что он родился на целую луну прежде срока. Ана, его рыжеволосая жена, опустилась на колени рядом с Хамом, предлагая ему вино. Хам вяло отстранил кубок, потом привлек Ану к себе и чмокнул в пухлые губы.

Иалит подошла к Матреде, своей матери. Повторила:

– Махла обручилась!

Матреда искоса взглянула на нее:

– Она еще недостаточно взрослая.

– Мама! Ну конечно достаточно!

– Достаточно для чего? – Внимание Матреды было приковано к миске.

– Чтобы обручиться!

– С кем на этот раз?

– Ни с кем из наших. Это нефилим.

Матреда вздрогнула, но продолжила рассеянно мешать.

– Махла изменилась. Она больше не моя веселая малышка, которая радовалась бабочке или капле росы на паутине. Наш шатер теперь для нее тесен.

В миску упала слеза.

Иалит погладила мать по руке:

– Она выросла, мама.

– И ты тоже. Но ты не бегаешь по оазису ночью. Ты не гоняешься за нефилимами.

– Может, это нефилим гонялся за ней?

– Она и вправду красива. Но меня не устраивает, что я узнаю такие новости из вторых рук. Вот как нынче это делается! Вот как себя ведет моя дочь!

– Извини. – Иалит сделалось неловко. – Я шла домой от дедушки Ламеха и увидела их, Махлу и нефилима. Его имя Угиэль. Он попросил меня сказать тебе, чтобы ты не беспокоилась.

– Не беспокоилась?! – воскликнула Матреда. – Не вздумай сказать это все своему отцу! Кто не давал этому Ух...

– Угиэлю.

– Этому нефилиму самому прийти сюда вместе с Махлой и все сказать мне и твоему отцу, как велит обычай?

Иалит обеспокоенно нахмурилась:

– Он сказал, что времена изменились.

Иблис сказал то же самое. Иалит почувствовала себя как-то неуверенно. Она не рассказала матери про Иблиса.

Матреда с громким стуком положила деревянную ложку:

– Многие считают это честью – быть замеченной нефилимом и принять их путь. – Матреда посмотрела на Ану, жену своего сына, Хама, рыжеволосую, все еще цветущую, но начинающую толстеть. – Ана рассказала мне, что какой-то нефилим выбрал ее младшую сестру, Тиглу, себе в жены. Ана в восторге.

– А ты нет.

– Тигла мне не дочь. А Махла – дочь. – Матреда отвернулась. – Дитя, меня не прельщают нефилемы. Они слишком отличаются от нас.

– Они прекрасны...

- Прекрасны, да. Но они творят перемены, а не все перемены хороши.

Я не хочу перемен, подумала Иалит. А потом перед ее мысленным взором предстал молодой великан, который поклонился ей в шатре бабушки Ламеха. Она в жизни не видела никого похожего на него.

Матреда же продолжала:

- Я думаю, перемены неизбежны, и иногда они несут с собой кое-что хорошее. - Она посмотрела на своего старшего сына, Сима. Он сидел со своей женой Элишивой и ел виноград с их виноградника, который не подавили на вино, а оставили для еды. Сим отрывал от грозди по ягодке и бросал Элишине. Та ловила их ртом, и они смеялись этой простой игре. Это казалось поразительно юно и романтично для такой приземистой, полнотелой пары. - Элишине - моя помощница. А жена Иафета...

Иалит посмотрела туда, где молодая женщина с волнистыми волосами и молочной кожей оттирала деревянную миску песком. Женщина заметила ее взгляд и помахала девушке.

Матреда сказала:

- Она пришла к нам из другого оазиса, и имя у нее непривычное.

- О-ли-вема, - проговорила Иалит.

- Посмотри на нее, - велела Матреда.

Иалит снова посмотрела на свою невестку. Оливема была светлее кожей, чем Иалит или кто бы то ни было из женщин, даже светлее Хама. Волосы и брови у нее были темнее ночного неба, черные с пурпурным отливом. Когда Оливема выпрямлялась, оказывалось, что она почти на голову выше остальных женщин. И еще она была красивая. Будто всегда озарена лунным светом - так про нее думала Иалит.

- А что с ней такое? - спросила она у матери.

- Посмотри на нее, дитя. Посмотри хорошенько.

- Ты хочешь сказать, что она... - потрясенно проговорила Иалит.

Матреда чуть пожала плечами:

- Она - младшая дочь очень старого мужчины. - Она подняла все пальцы. - Более чем на десять лет младше своих братьев и сестер. Я люблю Оливему, как родную. И если действительно ее породил нефилим, то великое добро пришло в нашу жизнь.

Иалит уставилась на Оливему, словно видела ее впервые. Оливема была самой молодой женщиной в шатре, не считая Махлы и самой Иалит, - на несколько лет младше Элишивы, жены Сима, и Аны, жены Хама. Всех троих братьев Иалит женили необычайно рано, и все трое ворчали, что на них так рано взваливают семейные обязанности.

- Мы слишком молоды! - протестовал тогда Сим. - Я самый старший, и я едва разменял свою первую сотню лет!

- Так надо, сын мой, - сказал их отец.

- Но почему? И как ты собираешься найти нам жен, когда мы так молоды?

- Вы красивы, - заверил их патриарх.

- Но к чему такая спешка, отец? - вмешался Хам. - О какой надобности ты говоришь?

Патриарх разгладил длинную бороду, начинающую седеть:

- Вчера, когда я работал на винограднике, со мной заговорил Голос. Эль сказал мне, что я должен найти вам жен.

- Но почему? - не унимался Хам. - Мы молоды, нам нужно время!

- Грядут перемены, огромные перемены, - изрек патриарх.

- Что, вулкан собрался извергаться? - спросил Сим.

- Если случится извержение вулкана, - добавил Хам, - жены нам ничем не помогут.

Отец сказал им лишь, что в винограднике ему было ниспослано слово Эля и что Эль не объяснил своего повеления.

Для Сима и Хама легко подыскали Элишиву и Ану. Патриарха все знали как человека честного. Он владел самыми большими виноградниками, лучшими в оазисе. Его вино славилось на много оазисов вокруг. Матреда была женщиной несомненной добродетели и красоты, и ее талия свидетельствовала о ее искусстве поварихи. Это было честью - войти в их шатер.

Иафет был совсем юн, поэтому с его женитьбой спешить не стали. Он все еще не брился, и щеки его оставались гладкими. Волосы на его теле были всего лишь мягким пушком. Смотрел он приветливо и невинно. Но уже вот-вот он должен был стать взрослым. Однажды его отец оседлал верблюда, уехал и вернулся с Оливемой.

Иафет был тогда у колодца, набирал воду для животных и увидел юную деву на белом верблюде - прекрасную, светлолицую, с темными пышными волосами, рассыпавшимися по плечам цвета слоновой кости. Иафет посмотрел в глаза Оливемы, темные, как ночное беззвездное небо, и почувствовал, что у него подгибаются ноги. Девушка соскользнула со спины верблюда и пошла к нему, раскинув нежные руки. Их любовь была ярким цветком, полным юных сил и ослепительно прекрасным.

Оливема. О-ли-ве-ма. Имя, такое же удивительное, как и ее лунная красота. Но вскоре оно уже привычно слетало с их губ.

Оливема стала первой настоящей подругой Иалит. Разница в возрасте у них была невелика - обе совсем недавно расстались с детством. И несхожесть с остальными тоже объединяла их. Обе они подмечали и радовались такому, на что большинство жителей оазиса вообще не обращали внимания. Обе любили покинуть шатер на ранней заре и ждать восхода солнца над пустыней,

наслаждаясь тем, как перекликаются звезды перед самым рассветом. Именно во время одного из таких утренних походов Иалит и встретила огромного льва, оказавшегося серафимом Ариэлем, а в другой раз, когда она убедила Махлу присоединиться к ним, она познакомила сестру с Ариэлем и Аларидом-пеликаном. Но с тех пор как появилась Оливема, Махла предпочитала по утрам спать.

Итак, Иалит и ее невестка тихонько выскользнули наружу. Когда огромный красный диск дня поднялся над белым песком, а звезды потускнели и песня их стихла, жуки-скарабеи, в темное время спящие под песком, заспешили к свету. На краю оазиса обезьяны запрыгали по деревьям, захлопали в ладоши и заверещали от радости, завидев солнце. Следом заголосили петухи, и в пустыне львы издали утренний рев, прежде чем удалиться в пещеры от дневной жары и залечь спать. Иалит и Оливему объединяло безмолвное и радостное ощущение общности.

Теперь же, в теплом и шумном шатре, Оливема кивнула Иалит, подзывая ее к себе:

– Ты ела?

Иалит покачала головой:

– Нет. Ну, то есть я собиралась поесть с дедушкой, но я позабыла про еду, потому что там оказался чудной молодой...

Тут их перебил Хам, лежащий на груди шкур. Он окликнул Оливему:

– Оли, у меня болит голова. Ты мне нужна.

– Пусть Ана растирает тебе голову! – отрезала Оливема. – Она твоя жена!

– Ее касание не такое, как твое.

И верно, считалось, что прикосновение пальцев Оливемы целительно.

Но Оливема не смягчилась:

– Не хочешь, чтобы болела голова, – не ешь и не пей лишнего!

Она отвернулась, подошла к горшку, наполнила миску тушеным мясом и вручила ее Иалит. Мамонт оставил Матреду и ткнулся в колени Иалит.

– Нет, Села! – строго сказала Иалит. – Ты знаешь, что я не дам тебе больше еды! Ты и так уже толстая! – Она ловко выловила из миски мясо и овощи и съела их, потом выпила бульон. Было очень вкусно, и Иалит поняла, как сильно проголодалась.

Рядом вздохнула Оливема.

– Что такое? – спросила девушка.

Мамонт перешел к старшей из подруг, и та почесала серую голову.

– Я сегодня утром ходила по городу, покупала провизию. Из купален вышел нефилим, весь благоухающий маслом и благовониями, и преградил мне путь.

– И?.. – поторопила ее Иалит.

– Он сказал, что я одна из них. Из их дочерей.

Иалит посмотрела на мать, потом снова на Оливему. Подумала про Иблиса и его великолепные пурпурные крылья.

– Так ли это ужасно?

– Это нелепо. Я люблю своих родителей. Люблю отца.

Иалит никогда не видела родителей Оливемы. Как бы она сама чувствовала себя, если бы кто-то заявил, что ее отец на самом деле ей не отец? Но теперь, когда Матреда заронила в ее сознание эту мысль, нетрудно было поверить, что Оливема произошла от нефилима. У нее был дар целительства – в этом Хам был прав. Голос ее, когда она пела, был прекрасен, как у птички. Она видела то, чего не видел никто другой.

Но ведь она, седьмой ребенок своих родителей, тоже отличается от остальных, напомнила себе Иалит. И она хорошо знала, кто ее родители, и знала, что они были разочарованы, получив четвертую дочь вместо четвертого сына.

- Ты слышала, я сказала, что Махла обручилась с нефилимом? - спросила она у Оливемы.

- Ага, слышала. Махла любит красивые вещи. Жены нефилимов живут в домах из камня и глины, а не в шатрах. Я уверена, Махла очень гордится тем, что выбрали ее.

- А что ты об этом думаешь? - спросила Иалит.

- Точно не знаю. Я толком не понимаю, как отношусь к нефилимам. Особенно если... - Оливема умолкла, не договорив.

- А к серафимам? - спросила Иалит.

- И насчет них я тоже толком не понимаю.

И Оливема заткнула уши, потому что Хам завопил.

У него был очень сильный для такого некрупного мужчины голос.

- Села, иди сюда! Раз Оливема не хочет помогать, мне нужен единорог!

- Ты же знаешь, что единорог не сможет подойти к тебе! - раздраженно бросила Ана.

- Ему и не надо подходить, - буркнул Хам. - Они могут посветить с любого расстояния. А мне только их свет и нужен.

- Тебе столько всего нужно!.. - пробормотала Ана.

- Иалит! Ты можешь позвать единорога! Или ты, Села! Позови мне единорога!

Внезапная вспышка заставила всех зажмуриться – такая яркая, словно под тяжелые шкуры шатра внезапно прорвалась молния, – через отверстие в крыше влетела, что ли?

– Убирайся! – закричал Хам. – Ты кто такой?

Он имел в виду не мерцающего единорога, стоящего посреди шатра. На шкурах рядом с Хамом лежал совсем юный человек с сильными солнечными ожогами и лихорадочно блестящими глазами.

Матреда наклонилась и присмотрелась к мальчику:

– Откуда он взялся? Хам, это твой друг?

Хам явно был ошарашен.

– В жизни его не видал!

– Кто он такой? – сердито спросил Сим.

Патриарх, обгладывавший баранью кость, покосился на незваного гостя.

– Еще одна разновидность великанов, – с отвращением проговорил он.

– Кто бы он ни был, ему нужен воздух, – сказала Оливема. – Не толпитесь вокруг него. Видите – у него солнечная лихорадка. Ну и ужасно же он выглядит!

Элишива, жена Сима, внимательно вгляделась:

– Если это и великан, то очень молодой.

Иалит кое-как удалось протолкаться между Матредой и Оливемой, чтобы хоть что-то рассмотреть, и она невольно взвизгнула:

– Это мой молодой великан!

- Что такое, дочь? – спросила Матреда. – Ты его уже где-то видела?

- У дедушки в шатре, когда я относила ему светильник.

Патриарх нахмурился:

- Если мой отец, Ламех, не пожелал держать великана у себя в шатре, почему это должен делать я?

- Папа, ну пожалуйста! – взмолилась Иалит.

- Ты вправду уже видела его? – спросила Оливема.

- Когда я относила дедушке Ламеху светильник, – повторила Иалит, – у него в шатре был этот молодой обгоревший великан. – Она посмотрела на охваченного лихорадкой юношу. – Хотя я не уверена... А где Иафет?

И тут, откинув полог шатра, вошел Иафет.

- Ах ты ж! – воскликнул он. – Я-то бегаю по оазису, ищу его, а он тут! Это же День, тот самый, которого я ищу! – Он опустился на колени. – Бескрылая гагарка! Он жив?

- Ну-ка все отодвиньтесь! – распорядилась Оливема. Она положила руку на голую грудь Денниса. – Он жив, но у него сильный жар.

Ана чуть отступила, грязной рукой убрал рыжие волосы с лица.

- А он серафим или нефилим?

Иалит покачала головой:

- У него нет крыльев. Иафет, как хорошо, что ты вернулся! Ведь правда же, это тот, которого ты искал?

- Да, – подтвердил Иафет. – Но похоже, что он обгорел чуть ли не до смерти.

Оливема приложила ладонь к покрасневшему лбу, скривилась от его жара и повернулась, выискивая единорога, который потускнел уже почти до полного исчезновения.

- Единорог, ты можешь помочь?

Силуэт единорога сделался четче. Он нагнулся к лихорадящему мальчику, и из лба его заструился свет, охлаждая горящую кожу.

Хам вскочил со шкур и, пошатываясь, кинулся к единорогу:

- Мне! Мне помоги! Я болен! Помоги мне!

Его светлые волосы слиплись от пота. В еще более светлых волосах на груди запутались капли.

Снова вспыхнул свет, а когда зрение вернулось к ним, единорог исчез.

- Болван! - сверкнула зелеными глазами Ана. - Знаешь ведь, что тебе нельзя соваться к единорогу!

- Ну и как мы собираемся избавиться от этого недожаренного великана? - спросил глава семейства.

- Дорогой, - возмутилась Матреда, - мы просто обязаны оказать ему гостеприимство!

- Мой добрый отец Ламех, очевидно, из своего шатра его выбросил! - заметил ее муж.

- Нет, отец! - возразила Иалит. - Ты не понял! Этих великанов двое, и у дедушки в шатре второй, и о нем там заботятся.

- Что ты такое несешь? Как этих великанов может быть двое?

- Ах, отец, если бы только ты сходил повидаться с дедушкой Ламехом!

– Я не собираюсь сюсюкаться со стариком. И с его несусветными великанами тоже. У нас и так забот полон рот, не хватало только умирающих великанов.

Иалит опустилась на колени рядом с Оливемой и посмотрела на юношу; дыхание его было неглубоким, веки подергивались. Иалит нерешительно протянула руку и коснулась его горячей щеки.

– Ты не Сень? Ты его брат?

Воспаленные глаза чуть приоткрылись:

– Деннис. Деннис.

Потом юноша вскинул руку, словно пытаясь прикрыть лицо от удара. Его затрясло.

– Что это с ним? – воскликнул Иафет. – Его кто-то обидел. И он не узнает меня.

– Он испуган! – потрясенно вымолвила Элишива.

– Ну уж дедушка Ламех точно не мог его побить! – возразил Сим.

– Конечно нет! – поспешил согласиться Иафет.

– Только не дедушка! – одновременно с ним воскликнула Иалит.

– Эль! У него кожа вся ободрана! – вырвалось у Оливемы.

– Кто-то плохо с ним обошелся, когда он уже покинул шатер дедушки Ламеха и еще не попал сюда.

Матреда наклонилась и негромко спросила:

– Но кто мог это сделать? Даже с недоделанным великаном?

- Деннис! - позвал Иафет.

- Деннис, - простонал юноша.

- Где ты был? Кто-то призвал тебя с единорогом обратно в бытие? Кто это был?

Оливема коснулась руки мужа:

- Села призвала единорога, и вдруг здесь очутился этот раненый великан.

- Но он был где-то еще в оазисе. - Иафет взял руку жены и прижал к своей щеке. - И с ним дурно обошлись. Он почти без сознания. Это ужасно!

Ана заглянула через плечо Иалит:

- Ты точно уверена, что он человек?

Иафет задумался:

- Они сказали, что они близнецы, но я думаю, что близнецы - это люди.

- Со всеми этими крылатыми существами, которые шатаются вокруг и ухлестывают за дочерьми человеческими, уже трудно понять, кто человек, а кто нет, - пробурчал патриарх и посмотрел на Оливему, но без злости.

Оливема снова коснулась лба Денниса, и тот открыл глаза и вздрогнул.

- Тихо, тихо. Я не причиню тебе вреда. - Она посмотрела на Иалит и Иафета. - Рог единорога забрал часть его жара, но он все еще очень горячий. Иафет, когда ты видел его, он был так же плох?

Иафет покачал головой:

- У него была солнечная болезнь, сильнее, чем у Сеня, но не такая!

- Вы говорите, этих великанов двое? - спросил патриарх.

– Двое. Совершенно одинаковых. Я оставил того, который зовется Сенем, в шатре дедушки Ламеха. – Иафет чуть виновато посмотрел на отца. – А после пошел искать этого вот. Я искал всю ночь, сдался – и надо же, он у нас в шатре!

– Мы никогда не видели двух одинаковых людей. Давайте пошлем кого-нибудь к дедушке Ламеху, чтобы убедиться, что этот не тот, – предложил Хам.

– Ты что, мне не веришь? – возмутился Иафет.

– Просто хочу убедиться, – ответил Хам.

– Я сам сперва никак не мог поверить, – уже спокойнее сказал Иафет.

Тут в их разговор вклинулась Оливема:

– Его нужно обмывать водой, чтобы кожа была прохладная и влажная.

– Вода! – воскликнула Матреда. – Даже мамонтам стало трудно вынюхать воду! Но у нас много вина.

– Только не мое вино! – взревел патриарх. – Женщина! Ты себе не представляешь, как тяжело я тружусь на винограднике!

– Я представляю, – кротко заметил Иафет. – Я работаю там с тобой.

Оливема чуть нахмурилась:

– Боюсь, вино не годится.

– Хиггайон брызгал водой из дедушкиного кувшина на Сеня, – сообщил Иафет. – Думаю, это помогло. – Он посмотрел на Селу, снова уютившуюся у ног Матреды.

Ана искоса взглянула на болезненно бледного Хама, потом на распростертое тело Денниса:

- Не будь он такой ободранный, так был бы просто красавчик.

Элишива, жена Хама, приземистая и рассудительная, с пышными черными кудрями и темными спокойными глазами, фыркнула:

- Не лезь к нему, Ана. Ты же видела: единорог подошел прямо к нему. Хоть он и великан размерами, но он еще почти ребенок. И он дрожит. Ему страшно.

- В любом случае никто его больше не тронет! - яростно бросила Матреда.

Иалит взглянула на мать с благодарностью.

Отец фыркнул:

- Женщины! Вечно меня изводят женщины с их добрыми делами. Матреда кормит любого лентяя-попрошайку, который придет к шатру, а Элишива помогает ей следить, чтобы горшок с супом не пустел.

- Люди не по своему желанию бедны и голодны, - спокойно сказала Матреда. - Мы вполне в состоянии поделиться. Муж, я не позволю, чтобы с этим молодым великаном плохо обращались.

- Да делай с ним что хочешь! - отмахнулся патриарх. - Мне без разницы, пока меня этим не утруждают.

Оливема посмотрела на мужа:

- Его нельзя оставлять здесь. Тут слишком жарко и слишком тесно. Он уже был при смерти, когда свет единорога коснулся его, и я думаю, он все еще очень болен.

- Слушайте Оли, - хмыкнул Хам. - Она знает, что говорит.

Для Иалит же, что бы там ни говорил Иафет, Деннис был тем же самым юношей, которого она видела в дедушкином шатре. Впервые увидев молодого великана, она его испугалась, а на этот раз, похоже, страшно было ему.

– А куда нам его поместить?

– Он еще ребенок, – сказала Оливема. – Может, в женский шатер?

На взгляд Иалит, Сэнди-Деннис вовсе не был ребенком!

– А ни у кого из нас не наступит вскорости лунное время? – спросила Элишива.

Матреда – именно она вела этому счет – задумчиво нахмурилась и принялась считать на пальцах.

– Пока что нет. А скоро он уже достаточно поправится, чтобы спать здесь, в большом шатре. Или умрет.

Иалит содрогнулась:

– Не говори так! Он наш гость. Нельзя допускать, чтобы гости умирали.

– Милая моя, – покачала головой Матреда, – он ужасно обгорел. И весь в ссадинах, словно его пытались почистить, как морковь.

– Может, стоит позвать кого-нибудь из серафимов? – предложил Иафет.

Его мать кивнула. Посмотрела на Иалит:

– Ведь твой друг Ариэль придет?

– Думаю, да. – Если уж придется звать Ариэля, надо будет точно убедиться, что это Ариэль, а не Иблис. Приходить к больным – это не по части нефилимов. Иалит это откуда-то знала, хотя и сама не понимала откуда.

– Элишива, – продолжала Матреда, – посмотри в сундуке за моим спальным местом, там должен быть мягкий лен, чтобы подложить ему. Шкуры слишком грубые.

– Мамочка всегда знает, как лучше, да, Хам? – ухмыльнулась Ана и удалилась.

– Я выжму сок из инжира, пусть попьет. – Матреда всегда чувствовала себя как рыба в воде, если была при деле.

Оливема снова положила ладонь на лоб Денниса:

– Он такой горячий! – Она нахмурилась.

Деннис вздрогнул и застонал. Глаза его были крепко зажмурены.

– Если он собрался умереть у нас, выкиньте его из шатра поскорее! – распорядился патриарх.

– Отец! – возмутилась Иалит.

Иафет успокаивающе взял ее за руку.

– Тебе придется понять, дочь, – сказал патриарх, – что невозможно вылечить всех птиц с перебитым крылом или раненых саламандр.

– Но я могу попытаться!

– И заставить их страдать сильнее, вместо того чтобы просто позволить им умереть? – поинтересовался отец.

– Ах, отец...

– Хватит! – вмешалась Матреда. – Довольно болтовни. Иафет, помоги нам отнести этого непонятного великана в женский шатер. Пошевеливайся!

Глава четвертая. Дедушка Ламех и дедушка Енох

Открыв глаза и обнаружив вокруг низкорослых смуглых людей, Деннис испугался. Как он снова очутился в том ужасном шатре? Зачем единорогу

возвращаться к тем, кто вышвырнул его на помойку? И куда делся единорог?

Сквозь опущенные веки сверкнул яркий свет, потом пришла темнота. Денниса затрясло. Он почувствовал прикосновение чужой руки ко лбу. Прохладной. Мягкой. Почти как мамина. Когда он болел гриппом, только прикосновение материнской руки приносило ему прохладу.

- Мама, - простонал Деннис, а потом у него вырвалось, как у маленького: -
Мамочка...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

То есть до 1 метра 80 сантиметров. В футае чуть больше 30 сантиметров. (Здесь и далее примеч. ред.)

2

Запрещено! (нем.)

Дюйм равен 2,5 сантиметра.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/l-engl_madlen/bol-shie-vody

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)